II. Автобіографія проф. М. А. Попова.

Родился я въ 1843 году, 17 ноября, въ слободѣ Ново-Глуховѣ (Пременная тожъ), Купянскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Родители мои были купцы. Не смотря на скромныя средства, отецъ мой старался дать всѣмъ дѣтямъ элементарное образованіе; съ этою цѣлью старшіе четыре сына своевременно опредѣлены были въ уѣздныя училища, а послѣдніе два Алексѣй и я въ гимназію.

Первоначальное образованіе получилъ я въ первой Харьковской гимназіи, куда поступилъ въ августѣ 1854 года въ первый классъ. За время моего семилѣтняго пребыванія въ гимназіи директоромъ вначалѣ былъ Ефимъ Степановичъ Шопинъ, а затѣмъ Верниковскій; инспекторомъ вначалѣ былъ Николай Ефимовичъ Артюховъ, затѣмъ Адольфъ Степановичъ Сцепура, а еще позже Адольфъ Федоровичъ Альбрехтъ. Наставниками моими были по Закону Божію Тимоѳей Ивановичъ Павловъ; по русскому языку Судовщиковъ, Иванъ Павловичъ Лебедевъ и Дмитрій Петровичъ Чириковъ; по исторіи — Михаилъ Афанасьевичъ Малиновскій и Эдмундъ Осиповичъ Ливскій; по географіи — Семенъ Ивановичъ Кованько и Зміевъ; по математикѣ и физикѣ — Валерьянъ Григорьевичъ Дементьевъ, Яковъ Ефимовичъ Лопушанскій и Павелъ Ивановичъ Ладовскій; по латинскому языку — Михаилъ Степановичъ Шперезскій; по греческому языку — Василій Петровичъ Авдіевъ; по нѣмецкому языку — Францъ Антоновичъ Катренъ и Андрей Ивановичъ Фрезе; по французскому языку Августъ Степановичъ Манжо.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности я вспоминаю моихъ преподавателей и въ особенности отца Тимоѳея Павлова, прекрасно разъяснявшаго намъ какъ ветхій и новый Завѣтъ, такъ въ особенности катехизисъ, богослуженіе и церковную исторію. Приводили меня въ восторгъ также учителя Малиновскій и Ливскій, замѣчательно художественно и подробно знакомившіе насъ съ русскою и всеобщею исторіею. Съ особенною любовью вспоминаю я также Дементьева и Ладовскаго, увлекавшихъ насъ не только яснымъ изложеніемъ мате-

матики и физики, но также и производствомъ нѣкоторыхъ физическихъ опытовъ. Оба эти преподавателя по своей добротѣ и мягкости обращенія съ нами были особенно нами любимы. Ладовскому же нужно сказать особенное спасибо еще и за то, что онъ старался особенно развить насъ, пріучая насъ самостоятельно работать, знакомя насъ съ русскими классиками и новой литературой. Благодаря исключительно его вліянію, нашъ классъ зачитывася произведеніями Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Аксакова, Тургенева, Гончарова, Бѣлинскаго и другихъ. Въ 6 и 7 классѣ мы выписывали на свой счетъ два періодическихъ журнала. Въ VII классѣ Ладовскій устраивалъ особенныя собранія, на которыхъ читались критическія статьи учениковъ, на которыя являлись антикритики, возбуждались диспуты, которые побуждали всѣхъ къ соревнованію и усиленному развитію.

Преподаватель латинскаго языка Назаревскій былъ строгъ, но справедливъ, всѣ ученики его выходили съ хорошимъ знаніемъ латинскаго языка. Греческій языкъ не былъ обязательнымъ предметомъ и охотниковъ слушать его было всегда немного; такъ, въ IV классѣ на греческій языкъ записались 5 человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и я; въ VII-же классѣ остался одинъ только я, остальные всѣ оставили его.

Сравнительно слабо шло преподаваніе географіи. С. И. Кованько никогда ничего не объяснялъ, а только лишь отмѣчалъ уроки и когда отвѣчалъ ученикъ урокъ, то С. И. почти не слушалъ его. По обыкновенію онъ прогуливался по классу и крутилъ въ рукахъ бумажку. С. И. Кованько занимался собираніемъ и изданіемъ русскихъ пословицъ и любилъ писать стихи. Зміевъ поступилъ учителемъ по выходѣ Кованько въ отставку. Зміевъ не рѣдко разсказывалъ намъ о полярныхъ странахъ и о путешествіяхъ натуралистовъ въ Африку. Какъ экзаменаторъ Зміевъ былъ очень снисходителенъ. Незавидно было преподаваніе въ гимназіи новыхъ языковъ, а потому недостатки по французскому и нѣмецкому языку пришлось пополнять дома. По французскому языку я бралъ частные уроки теоріи и практики у грека Сари, а по нѣмецкому сначала у гимназиста VI класса Помазанова, а затѣмъ продолжалъ уже самъ дома. Англійскій языкъ я началъ изучать находясь уже въ VI классѣ. Уроки англійскаго языка давалъ мнѣ родной братъ мой Алексѣй. Курсъ гимназіи я окончилъ въ маѣ 1861 года и вступительный экзаменъ, вслѣдствіе распоряженія начальства, всѣ мы гимназисты держали не въ гимназіи, а въ зданіи университета, гдѣ по каждому изъ предметовъ былъ ассистентъ профессоръ. Предсѣдателемъ экзаменаціонной коммиссіи былъ профессоръ исторіи Зернинъ. Окончивъ удовлетворительно экзамены, я получилъ право на XIV классъ

греческаго языка и въ то же время поступилъ на медицинскій факультетъ въ Харьковскій университетъ.

За пятилѣтнее пребываніе въ университетѣ мнѣ пришлось слушать лекціи слѣдующихъ профессоровъ: Богословіе — Василій Ивановичъ Добротворскій; ботаника—Адольфъ Самойловичъ Питра; медицинская физика—Ѳеофанъ Васильевичъ Тихоновичъ; зоологія—Никифоръ Дмитріевичъ Борисякъ; неорганическая химія—Николай Николаевичъ Бекетовъ; органическая химія—Гарничъ—Гарницкій; фармакогнозія и фармація—Яковъ Николаевичъ Ганнотъ; сравнительная анатомія—Александръ Францовичъ Масловскій; минералогія—Павелъ Тихоновичъ Степановъ; энциклопедія медицины — Григорій Семеновичъ Рындовскій; анатомія, гистологія и патологическаи анатомія—Душанъ Ѳедоровичъ Лямбль, при немъ прозекторъ Ипполитъ Осиповичъ Вилкомирскій, по-томъ прозектора Петръ Эрнестовичъ Гумбургъ, а послѣ смерти послѣдняго Ѳедоръ Васильевичъ Ганъ; физіологія и общая патологія—Иванъ Осиповичъ Калениченко и Иванъ Петровичъ Щелковъ; семіотика—Федоръ Карловичъ Альбрехтъ; частная патологія и терапія—Викторъ Александровичъ Демонси; фармакологія, рецептура и общая терапія—доцентъ Дмитрій Ивановичъ Кисилевъ; теоретическая хирургія и офтальмологія—Иванъ Кондратьевичъ Зарубинъ; терапевтическая клиника—Д. Ѳ. Лямбль, при немъ ординаторъ Евтихій Никитичъ Коломнинъ; оперативная хирургія, хирургическая и глазная клиника—Викторъ Ѳедоровичъ Грубе, при немъ ординаторы Алексѣй Ивановичъ Дудуковъ и Николай Петровичъ Кедровъ; акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни и акушерско-гинекологическая клиника—Иванъ Павловичъ Лазаревичъ, при немъ ординаторъ Павелъ Африкановичъ Ясинскій; судебная медицина и гигіена съ эпизотологіею—Альбертъ Самойловичъ Питра.

Въ теченіе пяти-лѣтняго пребыванія въ университетѣ, я два раза получилъ по экзамену отъ Правленія университета денежное пособіе, а именно состоя на 2 курсѣ 5 февраля 1863 г.—25 р. и на 3 курсѣ въ декабрѣ 1863 г.—60 р.

Въ апрѣлѣ и маѣ 1866 года я держалъ окончательный экзаменъ и 30 мая того же года удостоенъ по экзамену званія лѣкаря съ отличіемъ (cum eximia laude) и уѣзднаго врача.

Іюнь и Іюль мѣсяцы 1866 года я занимался пріемомъ амбулаторныхъ больныхъ въ лѣчебницѣ Харьковскаго медицинскаго общества, и 15 октября того же года вступилъ въ дѣйствительные члены этого общества, каковымъ состою и по настоящее время.

Въ 1866 году по предложенію Харьковской Врачебной Управы, исполнялъ обязанность участковаго врача г. Харькова во время эпидеміи холеры, съ 6 августа по 3 сентября, дежуря въ аптекѣ Кириллова на Торговой площади. Участки г. Харькова, данныя мнѣ подъ наблюденіе были вся занетеченская часть (Москалевка, Заиковка), Торговая площадь, Университетская улица и Пески (т. е. Клочковская и всѣ прилегающія къ ней улицы). 10 сентября того же года я представилъ въ Врачебную Управу отчетъ о наблюдавшихся мною случаяхъ холеры. [1]).

Привожу здѣсь краткія извлеченія изъ моего отчета. Во все продолженіе моего дежурства отъ 6 августа до 3 сентября у меня было 28 человѣкъ заболѣвшихъ холерою, изъ нихъ 17 выздоровѣло и 11 умерло. Случаи, которые выпали наблюдать на мою долю, сопровождались въ большинствѣ случаевъ всѣми признаками этой болѣзни и притомъ въ различныхъ степеняхъ ея. Едва ли изъ 28 субъектовъ было два или три такихъ, у которыхъ недоставало или судорогъ, или рвоты. Ближайшими причинами болѣзни были гнилая и сырая мѣстность и всегда почти неумѣренность и неосторожность въ пищѣ. Сырые продукты (дыни, яблоки, сливы и груши), а также недобродившій квасъ съ соленою рыбою составляли главныя, а простуда, пьянство и несоблюденіе вообще гигіеническихъ условій второстепенныя причины болѣзни. Что мѣстность низменная и нечистота содержанія помѣщенія имѣли важное значеніе въ появленіи болѣзни при міазматическомъ, какъ полагаютъ, состояніи воздуха, объ этомъ едва ли нужно и говорить, а priori можно было полагать, что Пески и Занетечь (включая сюда Москалевку и Заиковку) будутъ главными центрами болѣзни и это дѣйствительно и подтверждалось при наблюденіи надъ эпидеміею. Вопросъ о контагіозности холеры изъ моихъ наблюденій рѣшается скорѣй такъ, что холера не заразительна, потому что всѣ люди, которые ухаживали за больными, кромѣ простой усталости, ничего не ощущали болѣзненнаго; хотя, впрочемъ, есть и такого рода факты, гдѣ заболѣвали и умирали почти всѣ въ семействѣ, начавшись отъ одного больного (семейство Вагнеръ, домъ Бѣлина, на Пескахъ); подобнаго рода явленія можно также отнести къ истощенію организма отъ неупотребленія пищи, при непомѣрно, въ тоже время, сильныхъ хлопотахъ. Интересно также и то, что изъ пріѣзжихъ въ Харьковъ, по случаю ярмарки, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ была холера и отъ которыхъ, какъ кажется, всѣ ожидали заноса болѣзни, никто почти не заболѣлъ,

[1]) Удостовѣреніе объ исполненіи мною обязанности участковаго врача выдано мнѣ изъ Врачебной Управы въ 1866 г. за № 2541.

[illegible] Вольфъ-Рамсдорфа, пріѣхавшаго изъ Лебедина. Болѣли больше [illegible] Харьковцы и не въ центрѣ города, гдѣ собирается много [illegible], а въ отдаленныхъ частяхъ города, ближе къ окраинамъ.

Теченіе холеры въ большинствѣ случаевъ было быстрое: 8, 9 и [illegible] часовъ и болѣзнь оканчивалась летальнымъ исходомъ. Въ тѣхъ же [illegible] случаяхъ, гдѣ болѣзнь была рано захвачена и изнурительный процессъ [illegible] сколько возможно прерванъ, тамъ она тянулась 1, 2 и 3 дня, переходя въ совершенное выздоровленіе. Смертность была почти въ такой [illegible] степени какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, почти 1/3 заболѣвшихъ умерла, но во всѣхъ этихъ смертныхъ случаяхъ докторъ призванъ [illegible] былъ тогда, когда болѣзнь доведена была до крайней степени, когда уже параличъ сердца былъ близокъ и слѣдовательно медицинская помощь была излишня. Было впрочемъ два случая (Авдотья Левитская и Ермилья Чернявчиха) и такихъ, гдѣ повидимому близокъ былъ параличъ сердца, но который отклоненъ былъ сообразнымъ и своевременнымъ употребленіемъ рекомендуемыхъ медициною средствъ. Не лишнее [illegible] замѣтить, что количество болѣвшихъ въ извѣстныя числа было больше, а въ другія—меньше. Къ первымъ относятся 7, 14, 15 и 17 числа [illegible] августа; прибавлю наконецъ, что съ извѣстнаго срока (съ 21 августа) [illegible] заболѣваемость значительно пала, изрѣдка прорываясь однимъ, или двумя [illegible] случаями въ сутки. Въ упомянутые числа августа мѣсяца (7, 14, 15 и 17) [illegible] жаркіе и душные дни смѣнялись довольно холодными ночами, а въ нѣкоторые изъ этихъ дней былъ даже дождь при очень холодномъ вѣтрѣ.

Леченіе мое состояло въ 1 періодѣ холеры въ употребленіи внутрь [illegible] Gt. viridi, Trae Menthae pip, thebaicae, nuc. vomicarum, сложныхъ капель, [illegible] Gutt guttae Inosemzowi, Tilmani, Dobronravovi. Во 2 періодѣ при сильной рвотѣ—Calomel и ледяныя пилюли; при сильныхъ поносахъ по [illegible] способу д-ра Финке (Военно-Мед. журналъ 1866 г.) Tra ferri sesqui-[illegible] chlorati; при начинающихся судорогахъ и упадкѣ Nux vomica, Valeriana, [illegible] Gutt Hartmani et cet. Въ 3 періодѣ—возбуждающія: вино, водка (пер-[illegible] ренка), Camphora, Aether sulfuricus и Moschus съ присоединеніемъ [illegible] мѣръ предъидущихъ и прохлаждающихъ, смотря по надобности. Снаружи употребляемы были во всѣхъ трехъ періодахъ раздражающіе [illegible] спирты для растиранія, горчичники, теплыя припарки, укутыванія и [illegible] теплыя ванны. При выздоравливаніи давались укрѣпляющія средства [illegible] и предписывалось строгое соблюденіе необходимыхъ въ этомъ случаѣ [illegible] діэтическихъ правилъ.

Будучи еще на студентской скамьѣ, я особенно полюбилъ предметы, читанные проф. Лямблемъ, а именно анатомію и гистологію [illegible] нормальную и патологическую. Еще студентомъ я, по наставленію

проф. Лямбля, въ каникулярное время занимался изученіемъ строенія различныхъ растеній на поперечныхъ и продольныхъ разрѣзахъ; измѣненіе растительныхъ клѣтокъ при кипяченіи, гніеніи и при дѣйствіи на нихъ различныхъ химическихъ веществъ, при этомъ обращено было особенное вниманіе на зерна крахмала. Справочной книгой при этомъ, кромѣ сочиненій по ботаникѣ, служила статья Лямбля „Микроскопическія изслѣдованія кишечныхъ испражненій", напечатанная въ Военно-Медицинскомъ журналѣ за 1859 годъ. Школьныя занятія эти велись безъ всякой системы и послѣдовательности. Я старался лишь знакомиться съ микроскопическими картинами, которыя и заносилъ аккуратно въ рабочій журналъ. Судя по замѣткамъ и рисункамъ, которыя я дѣлалъ при моихъ микроскопическихъ занятіяхъ и которыя сохранились у меня до сихъ поръ, я неограничивался изученіемъ строенія одной растительной ткани, но изслѣдовалъ все, что было мнѣ доступно. Такъ въ моемъ рабочемъ журналѣ приложены описанія и рисунки слѣдующихъ микроскопическихъ картинъ: эпителій полости рта, слизь, слюна и примѣсь въ ней (пузырьки воздуха, растительная ткань послѣ принятія пищи, oidium albicans, leptotrix buccalis и проч.); поперечно-полосатыя мышечныя волокна, жиръ, кровяныя шарики и кристаллы гимина, гной, перерожденный хрусталикъ при катарактѣ, trichocephalus dispar, вынутый изъ слѣпой кишки трупа солдата, oxyuris vermicularis, найденный въ испражненіяхъ одного мальчика и другіе объекты. Справочными книгами при этомъ были для меня Kölliker— Lehrbuch d. Gewebelehre и записки патологической анатоміи Лямбля. Кромѣ того разныя части насѣкомыхъ: крылья, ножки, пухъ, хоботки мухъ, бабочекъ, пауковъ и проч. Капли прѣсноводной и загнившей воды, водоросли, инфузоріи, вибріоны, кристаллы разныхъ солей и проч.

Съ сентября мѣсяца 1866 года я началъ свои занятія въ гистологической лабораторіи проф. Н. А. Хржонщевскаго по гистологіи нормальной и патологической. Здѣсь занятія мои велись уже правильно систематически и, благодаря любезному руководительству опытнаго въ дѣлѣ преподаванія проф. Хржонщевскаго, я практически изучилъ всю гистологію, кромѣ нервной системы. Помимо приготовленія микроскопическихъ препаратовъ по всѣмъ органамъ (кромѣ мозга) и тканямъ, я научился производить тончайшія инъекціи кровеносныхъ сосудовъ, а также научился различнымъ методамъ для изслѣдованія выводныхъ протоковъ и каналовъ, лимфатическихъ сосудовъ и нервовъ. Микроскопическіе нормальные и патологическіе препараты, приготовленные мною въ лабораторіи Хржонщевскаго, подарены мною въ музей физіологической анатоміи Харьковскаго университета и сохраняются до сихъ

мнѣ. Въ той-же лабораторіи я началъ спеціальную работу „о тончайшихъ лимфатическихъ сосудахъ и окончаніяхъ нервовъ въ поджелудочной железѣ". Не смотря на двухъ-годичный трудъ и массу сдѣланныхъ инъекцій и экспериментовъ, я не получилъ настолько опредѣленныхъ результатовъ, чтобы могъ опубликовать ихъ. Причина такой неудачи заключалась главнымъ образомъ въ трудности рѣшенія задачи, по несовершенству методовъ. Хотя я и не добился того, чего желалъ, тѣмъ не менѣе однако-жъ, производя эту работу, я извлекъ громадную пользу, такъ какъ благодаря этому я очень хорошо познакомился съ различными методами изслѣдованія лимфатическихъ сосудовъ и нервовъ и вообще съ микроскопической техникой; обстоятельно изучилъ литературу нетолько близкую къ этому вопросу, но и вообще проштудировалъ цѣлый рядъ старыхъ и новыхъ сочиненій по анатоміи и гистологіи.

Приступая къ моей работѣ, я задался слѣдующими вопросами: 1) провѣрить на возможно большемъ количествѣ человѣческихъ труповъ грубую анатомію поджелудочной железы, т. е. ея форму, цвѣтъ, длину, ширину, толщину, вѣсъ, поверхности, края, отдѣльныя части железы, бороды, протоки, артеріи, вены, лимфатическіе сосуды и нервы. 2) микроскопическими изслѣдованіями провѣрить a) находятся ли органическія мышцы въ стѣнкахъ ductus Wirsungianus? b) Какимъ образомъ и откуда начинаются выводные протоки въ железѣ? c) Существуютъ-ли въ железѣ лимфатическіе сосуды и гдѣ они проходятъ? и d) Опредѣлить ходъ и окончаніе нервовъ.

Что касается до перваго отдѣла—грубой анатоміи, то благодаря любезности профф. Лямбля, Вагнера и Альберта Питра, я имѣлъ возможность имѣть въ распоряженіи моемъ поджелудочныя железы болѣе, чѣмъ отъ 50 труповъ. Инъекціи артерій и венъ сало-восковой массой производилъ я самъ и затѣмъ тщательно препаровалъ. Результаты, которые я получилъ, ничего новаго не прибавили къ тому, что уже было раньше занесено въ учебникѣ, а именно:

1) Форма железы—сплющенный цилиндръ, съуживающійся по направленію отъ головки къ хвосту, въ общемъ железа имѣетъ видъ молотка. 2) Цвѣтъ нормальной железы блѣдно-розовый, мѣняющійся при венозномъ переполненіи и при началѣ гніенія въ красный; 3) на ощупь крупно зерниста съ ясно выраженными отдѣльными дольками. 4) Длина железы у взрослаго 14—20 см. 5) Ширина 2—5 см. 6) Толщина $1^1/_2$—$2^1/_2$ см. 7) Вѣсъ—65—80 gram. 8) Нужно различать переднє-верхнюю и задне-нижнюю поверхность. 9) Края—нижне-передній, свободный и закругленный и верхне-задній, слегка желобоватый для помѣщенія селезеночной артеріи и вены. 10) На каждой железѣ можно

различать головку, тѣло и хвостъ. Головка представляетъ собой завернувшуюся книзу часть железы, причемъ между тѣломъ и головкой образуется глубокій желобъ, выполненный воротной веной и составляющими ее вѣтвями, артеріями и лимфатическими железами. 11) Кромѣ только что описаннаго желоба, находится еще другой желобъ, тянущійся по верхне-заднему краю тѣла и хвоста железы для селезеночныхъ сосудовъ—12) Главный выводной протокъ (duct. Wirsungianus) тянется по продольному направленію железы отъ хвоста къ головкѣ, заложенный въ серединѣ паренхимы железы. Діаметръ протока мало по малу увеличивается по направленію къ головкѣ. Изливается протокъ въ нисходящую часть двѣнадцати-перстной кишки. Около головки протокъ иногда вилообразно разщепляется въ два протока изъ которыхъ одинъ, составляющій какъ бы продолженіе главнаго протока по діаметру толще, чѣмъ другой, который по большей части пронизывая головку железы, собираетъ въ себя отдѣлимое изъ побочныхъ мелкихъ протоковъ головки и открывается отдѣльно въ нисходящей части 12-перстной кишки выше (рѣже) или ниже (чаще) Вирзунгіева протока. Иногда бываетъ прибавочный протокъ (d. Santorini), который возрождается въ головкѣ и бываетъ отъ 3—5 сант. длины и впадаетъ въ нисходящую часть 12-перстной кишки. 13) Артеріи поджелудочная железа получаетъ отъ a) селезеночной артеріи—rami pancreatici для тѣла и хвоста; отъ b) a. hepatica, а именно отъ вѣтви ея a. gastro-epiploica dextra для головки железы и двѣнадцати-перстной кишки — art. pancreatico-duodenalis sup. и c) отъ a. mesenterica sup. также для головки железы и 12-перстной кишки—a. pancreatico- duodenalis inf. Калиберъ послѣднихъ артерій былъ по большей части одинаковый, а иногда различный, при послѣднемъ условіи чаще наблюдалась сильнѣе развитою a. pancreatico-duodenalis inferior. Иногда наблюдалось отсутствіе какой-нибудь изъ двухъ послѣднихъ артерій, въ такомъ случаѣ существующая была очень сильно развита. 14) Венозные стволики поджелудочной железы изливаются главнымъ образомъ въ селезеночную вену, отчасти же въ v. mesenterica sup., въ v. gastrica sup., а иногда и прямо въ v. portarum. 15) Инъекцію грубыхъ лимфатическихъ сосудовъ поджелудочной железы мнѣ ни разу неудалось сдѣлать, а потому я и не могъ провѣрить ученіе Sappey, по которому мелкіе лимфатическіе сосуды железы, расположенные между дольками, собираются въ два лимфатическихъ ствола: верхній и нижній. 16) Нервы железа получаетъ изъ сплетеній симпатическаго нерва, а именно plexus solaris, splenicus, mesentericus superior и hepaticus. Прослѣдить препаровкой нервы возможно только до внѣдренія ихъ въ паренхиму железы, гдѣ они входятъ въ промежутки

между долекъ и именно такъ, какъ говоритъ Sappey, самостоятельно отъ хода сосудовъ. 17) Три раза я встрѣтилъ прибавочную железку—pancreas parvum, s. secundarium, s. succenturiatum и всѣ три раза вблизи головки, а именно около желоба, гдѣ проходитъ воротная вена. Прибавочная железка состояла изъ нѣсколькихъ долекъ, имѣла отдѣльный выводной протокъ, изливавшійся обыкновенно въ Вирзунговъ протокъ; по формѣ была почти что всегда овально-яйцевидная, сплющенная, а по размѣрамъ—1—3 сант. длины, $1^1/_2$—2 см. ширины и $^1/_2$ см. толщины.

Провѣряя грубую анатомію поджелудочной железы, я познакомился до нѣкоторой степени съ литературою анатоміи.

Для разрѣшенія намѣченныхъ мною вопросовъ по гистологіи поджелудочной железы, я считалъ прежде всего необходимымъ познакомиться съ строеніемъ железы вообще, причемъ убѣдился въ томъ, что по своему строенію она нѣсколько отличается отъ строенія слюнныхъ железъ вообще. При гистологическихъ изслѣдованіяхъ поджелудочной железы я пользовался железами человѣческими, отъ свѣжихъ труповъ, т. е. не болѣе 24 часовъ послѣ смерти; но главнымъ образомъ я пользовался свѣжими объектами отъ кроликовъ, морскихъ свинокъ, теленка, лошади, свиньи, крысы, мыши и въ особенности много изслѣдовалъ на кошачьихъ и собачьихъ железахъ. Число экспериментовъ сдѣлано до 120. Прилагая методъ раздергиванія долекъ, изолированія ихъ посредствомъ кислотъ, а также дѣлая микроскопическіе отрѣзки не залитой железы въ различныхъ направленіяхъ, я убѣдился въ слѣдующемъ: a) что железа представляетъ дольчатое строеніе, причемъ дольки бываютъ различныхъ формъ и размѣровъ. Грубыя дольки соединены между собою рыхлою соединительною тканью, которая, проникая въ междольчатыя пространства, служитъ ложемъ для сосудовъ (вѣроятно и нервовъ). b) Способъ варенія железы, предложенный для изслѣдованія вообще железъ, спеціально для поджелудочной железы совершенно непримѣнимъ. Микроскопическіе отрѣзки дѣлаются дѣйствительно легче, но за то препараты получаются никуда негодные, на которыхъ ровно ничего не видно; протоплазма клѣтокъ дѣлается однообразною, на подобіе того, какъ это бываетъ при амилоидномъ перерожденіи. Самый методъ варенія продолжался обыкновенно около $^1/_2$ часа и затѣмъ сваренный органъ клался въ растворъ поваренной соли. c) Изслѣдованія свѣжей железистой ткани, производились (по совѣту Перемежко) или въ альбуминозныхъ жидкостяхъ, или въ liquor cerebro-spinalis, или serum sanguinis того-же самаго животнаго, но чаще всего въ liquor amnii; послѣдняя употреблялась въ видѣ jodserum, которая приготовляется слѣдующимъ образомъ: берется liquor amnii отъ овецъ или другихъ животныхъ,

фильтруется и затѣмъ къ отфильтрованной жидкости прибавляется нѣсколько капель t-rae jodi, до цвѣта мочи, изобилующей уратами. Для большей ясности препарата, онъ нерѣдко переносился въ растворъ acidi chromici (gr $^1/_5$—$^1/_{10}$ на ℥j aq). Для изоляціи элементовъ брался самый свѣжій, теплый органъ, клался въ jodserum, гдѣ и держался 3, 4 и болѣе дней, затѣмъ препаратъ раздергивался иголками и изслѣдовался. Для той-же цѣли прилагался и методъ Людвига и Томса (спиртъ съ $^1/_2$% или 1% соляной кислоты). d) Грубыя дольки составляются изъ болѣе мелкихъ, а эти послѣднія изъ первичныхъ долекъ, форма которыхъ попадается иногда круглая, но чаще овально-яйцевидная, иногда вытятутая на подобіе канала. e) Первичныя дольки обладаютъ собственной безструктурной стѣнкой и прилегаютъ тѣсно другъ къ другу. e) Железистыя клѣтки располагаются какъ по периферіи дольки, такъ равно и внутри ея, а потому, согласно съ мнѣніемъ Saviotti, необходимо признать пери-и интра-ацинозныя (centroacinäre Zellen Langerhans'a) железистыя клѣтки. f) Самыя железистыя клѣтки круглой, или полигональной формы, 0,008—0,014 мм. величины, обладаютъ собственной оболочкой, имѣютъ мелко-зернистую протоплазму, крайне измѣнчивую въ своей зернистости; въ клѣточкахъ помѣщаются ядра отъ 0,004 мм. g) Въ промежуткахъ между дольками находится нѣжная рыхлая соединительная ткань, а между крупными дольками къ ней примѣшивается еще и упругая ткань. h) Что касается выводныхъ протоковъ, то только въ самомъ крупномъ изъ нихъ—Вирзунгіевомъ—въ стѣнкахъ находятся еще и мышечныя органическія волокна, какъ объ этомъ говорилъ еще Келликеръ; въ другихъ же выводныхъ протокахъ мышечныхъ волоконъ повидимому нѣтъ. Въ стѣнкахъ Вирзунгіева протока, кромѣ того залегаютъ слизистыя, гроздовидныя железы. При инъекціи выводныхъ протоковъ клеевою синею массою, чрезъ Вирзунгіевъ протокъ, всѣ протоки наливаются довольно свободно до самыхъ первичныхъ долекъ, проникая въ которыя и смѣшиваясь съ отдѣлимымъ железы масса образуетъ звѣздчатыя фигуры въ самыхъ долькахъ, располагаясь между интра-и даже пери-ацинозными клѣтками. Общее вѣтвленіе мелкихъ протоковъ имѣетъ древовидную форму. Каждая первичная долька даетъ начало выводному протоку: сѣтевидное начало протоковъ въ долькѣ, какъ описываетъ Saviotti, нужно объяснить проникновеніемъ инъекцированной массы между железистыми клѣтками дольки. Методъ физіологической инъекціи Хржонщевскаго, къ сожалѣнію, не далъ мнѣ никакихъ результатовъ, хотя и выполненъ былъ мною на собакахъ и кошкахъ такъ, какъ онъ рекомендуется Хржонщевскимъ для желчныхъ протоковъ и для мочевыхъ канальцевъ. Эпи-

ющій выстилающій выводные протоки, повсюду былъ цилиндрическій, съ рѣзко выраженнымъ ядромъ. Высота эпителія была прямо пропорціональна діаметру протока, чѣмъ протокъ былъ больше, тѣмъ эпителій выше и наоборотъ. У мѣста прикрѣпленія къ подлежащей ткани являлся слегка полосатымъ и какъ бы расходился въ ножки, теряясь въ подлежащей ткани. i) Инъекція сосудовъ производилась чрезъ аорту клеевой массой карминовой или растворимою берлинскою лазурью, причемъ какъ артеріи, капилляры, такъ равно и вены обозначались на препаратахъ одинаковымъ цвѣтомъ. Много разъ я дѣлалъ и двойную инъекцію: чрезъ аорту красной массой, а чрезъ воротную вену синей массой. За рѣдкими исключеніями инъекція получалась полная. Сосуды проходили между дольками, а вокругъ первичныхъ долекъ образовывали тонкую капиллярную сѣтку. Вены сопровождали артеріи и всегда одной артеріи соотвѣтствовала одна вена. Картина распредѣленія сосудовъ и капилляровъ нѣсколько разнилась отъ той, которая изображена у Келликера. Для того, чтобы получить лучшее представленіе о ходѣ сосудовъ не слѣдуетъ дѣлать очень тонкихъ отпрепаровъ, иначе цѣлость сѣти кровообращенія прерывается на многихъ мѣстахъ. k) Для изслѣдованія лимфатическихъ сосудовъ приложено было нѣсколько способовъ. Каждому извѣстно, что изслѣдованіе лимфатическихъ сосудовъ вообще крайне затруднительно, въ особенности въ такой железѣ, какъ поджелудочная. Оказывается, что для *непосредственной инъекціи* сосудовъ и инструменты и наши руки являются слишкомъ грубымъ орудіемъ для такихъ тонкихъ и мелкихъ сосудовъ, какіе находятся въ поджелудочной железѣ. Инъекція чрезъ, сравнительно, бо́льшіе сосуды не досягаема, по причинѣ заслонокъ, а чрезъ мелкіе невозможна, такъ какъ нельзя приготовить, соотвѣтственно калибру сосудовъ, хотя бы стеклянныя канюли. Трудность эта въ особенности возникаетъ при изслѣдованіи лимфатическихъ сосудовъ на мелкихъ животныхъ (собакахъ, кошкахъ и кроликахъ), съ которыми, главнымъ образомъ, приходится имѣть дѣло при изслѣдованіяхъ. Изготовленныя для этой цѣли стеклянныя канюли, въ діаметрѣ непревышающія тонкой иголки, очень хрупки и ломаются даже при пробѣ ввести ихъ въ сосудъ. О накладываніи же на нихъ петли, или зажима и думать нечего, такъ какъ они моментально ломаются. Если ко всему этому прибавить трудность нахожденія лимфатическихъ стволиковъ, чрезъ которые было бы мыслимо произвести инъекцію, то становится понятнымъ, что методъ непосредственной инъекціи лимфатическихъ сосудовъ у мелкихъ животныхъ, при настоящихъ условіяхъ техники, почти не выполнимъ. Вотъ почему сдѣлавъ нѣсколько попытокъ про-

извести непосредственную инъекцію, потерявши нѣсколько животныхъ и неполучивъ ровно никакихъ результатовъ, я разъ навсегда отказался отъ него и перешелъ къ другимъ методамъ. Методъ непосредственной инъекціи я производилъ такъ: желая сдѣлать лимфатическіе сосуды болѣе широкими и замѣтными для глаза, я прибѣгалъ къ двумъ способамъ: или 1) перевязывалъ за ½ часа до убиванія животнаго v. portarum, по совѣту Mac-Guillavry, или же 2) вводилъ за часъ, или за 2 до убиванія въ яремную вену драхмы 2 опійной настойки (Tinct. Opii simpl.), какъ дѣлалъ Выводцевъ, или же для той же цѣли я впрыскивалъ подъ кожу 1 правацовскій шприцъ раствора уксусно-кислаго морфія (gr. V на ℥j.). Животныя убивались, вскрывались и инъекція производилась растворимою берлинскою лазурью, при помощи тончайшихъ стеклянныхъ канюль, въ видимый лимфатическій стволикъ, которыхъ я могъ намѣтить около поджелудочной железы два: одинъ изъ нихъ проходитъ въ брыжейкѣ и подходитъ у собакъ къ той части железы, которая свободно держится въ пластинкахъ брыжейки, отодвинутая отъ int. duodenum и jejunum; другой изъ нихъ помѣщается на границѣ между пилорическою частью желудка и поджелудочной железой (верхній сосудъ по Sappey'ю). Несмотря на многочисленныя попытки сдѣлать инъекцію—она мнѣ неудавалась. Одинъ разъ, правда, я получилъ что то похожее на инъекцію, но и то она для меня показалась на столько сомнительной, что я не осмѣлился даже и подумать выдавать полученную мною сѣть за лимфатическую. Дѣло было такъ: однажды, инъецируя мезентеріальный лимфатическій стволикъ, я замѣтилъ, что холодная синяя масса, дошедши по сосуду до поджелудочной железы, образовала около нея небольшой экстравазатъ и затѣмъ понемногу образовала на одной изъ долекъ чрезвычайно мелкую сѣть. Микроскопическіе объекты, приготовленные изъ этой дольки, показали слѣдующее: на свободной поверхности железы рыхлая клѣтчатка окрашена въ синій цвѣтъ; отсюда масса проникаетъ сначала въ промежуточной ткани между большими дольками железы, затѣмъ между мелкими дольками, а дальше наконецъ между терминальными дольками, образуя такимъ образомъ чрезвычайно густую сѣть. Осматривая эту сѣть при большихъ увеличеніяхъ, легко убѣдиться, что собственныхъ стѣнокъ пути эти не имѣютъ, а образуютъ какъ бы щелевидные ходы между элементами соединительной ткани; эндотеліальнаго покрова никакого не найдено. Вотъ и все, что я получилъ. *Методъ физіологической инъекціи Хржонщевскаго* былъ испробованъ мною нѣсколько разъ, но тоже не далъ мнѣ никакихъ результатовъ, хотя тѣмъ же способомъ Кисилевъ, въ той-же лабораторіи, получилъ картину поверхностныхъ и глубокихъ лимфати-

сосудовъ въ печени. (Военно-Медицинскій журналъ 1869 г. [illegible] стр. 191—206). Методъ физіологической инъекціи выполняемъ [illegible] слѣдующимъ образомъ: живое животное (собака, кошка и друг.) фиксировалось на маленькомъ столикѣ, затѣмъ препаровалась и вскрывалась одна изъ общихъ яремныхъ венъ; подъ вену подводились лигатуры выше и ниже разрѣза. По направленію къ сердцу въ вену вставлялась канюля съ краномъ. Выпустивши извѣстное количество крови изъ верхней части разрѣза вены и наложивши временную лигатуру, я, чрезъ канюлю, накачивалъ шприцомъ по направленію къ сердцу извѣстное количество (приблизительно равное выпущенной до того крови) растворенаго въ водѣ индиго-кармина; затѣмъ дѣлался промежутокъ въ $^1/_4$ часа и снова повторялась та же операція три, четыре раза, до тѣхъ поръ, пока изъ верхняго конца разрѣза вены вмѣстѣ съ кровью начнетъ выдѣляться и индиго-карминъ. Затѣмъ накладывалась лигатура на яремную вену выше и ниже разрѣза ея; рана зачищалась, зашивалась и животное оставлялось жить до тѣхъ поръ, пока всѣ покровы и слизистыя оболочки не сдѣлаются синими и когда въ отдѣляемой мочѣ замѣчается окраска индиго-карминомъ. Затѣмъ животное убивалось хлороформомъ, вскрывалась грудная клѣтка и тотъ часъ же производилась чрезъ аорту инъекція сосудовъ карминовой [illegible] массой. Послѣдняя производилась постоянно съ тою цѣлью, чтобы на микроскопическихъ отрѣзкахъ легче было отличать кровеносные сосуды. Сдѣлавши полную инъекцію кровеносныхъ сосудовъ, быстро вскрывалась брюшная полость, налагались нѣсколько лигатуръ en masse около хвоста поджелудочной железы, а также на 12-ти перстную кишку въ верхней ея части, на тощую кишку ниже нижняго конца железы и на соотвѣтственную часть брыжейки; затѣмъ поджелудочная железа вырѣзывалась, вмѣстѣ съ соотвѣтствующею частью кишки, обмывалась въ водѣ и переносилась въ спиртъ 85°. По истеченіи $^1/_2$ сутокъ препаратъ переносился въ 95° спиртъ до полнаго затвердѣнія. Приготовленные микроскопическіе отрѣзки переносились на нѣкоторое время въ подкисленную уксусной кислотой воду, затѣмъ снова въ абсолютный алкоголь, до полнаго извлеченія воды, затѣмъ отрѣзки просвѣтлялись въ терпентинѣ и задѣлывались въ дамарлакѣ. Микроскопическія картины, полученныя мною на этихъ препаратахъ, носили одинъ и тотъ же характеръ, а именно: прекрасная полная инъекція кровеносныхъ сосудовъ съ ихъ капиллярными сѣтями, заложенными въ железистой ткани—окрашенной то въ слабый, то въ интензивно—синій цвѣтъ. Какъ-бы то ни было образованій въ видѣ каналовъ, которые могли-бы быть принимаемы за выводные протоки, или за лимфатическіе ходы

не было видно. Ясно было только одно, что индиго карминъ, вытиснутый изъ сосудовъ клеевой карминовой массой, диффундировалъ безъ особенныхъ намѣченныхъ путей прямо въ железистыя клѣтки долекъ и въ окружающую послѣднія рыхлую соединительную ткань. Такіе отрицательные результаты получилъ я также, испробовавши множество разъ *методъ всасыванія* [1]), который производился мною слѣдующимъ образомъ: живому животному впрыскивались въ брюшную полость различныя растворимыя и нерастворимыя, мелкозернистыя вещества, какъ карминъ, индиго карминъ, киноварь, китайская тушь, берлинская лазурь. Впрыскиваніе производилось при помощи обыкновеннаго шприца съ иглообразной канюлей. Затѣмъ животное оставлялось жить отъ 1 часу до 2-хъ дней. Послѣ убиванія животнаго, поджелудочная железа подвергалась микроскопическому изслѣдованію, или безъ инъекціи сосудовъ, или послѣ предварительной инъекціи таковыхъ клеевою цвѣтною массою. Микроскопическія картины получались при этомъ способѣ изслѣдованія приблизительно одного характера, а именно: всѣ нерастворимыя вещества оставались совершенно не всосанными и прилипали къ брюшинному покрову железы какъ микроскопическая грязь, непроникая въ существо железы. Растворимыя же вещества обыкновенно имбибировали поверхностныя слои железы сплошь, какъ элементы соединительной ткани, такъ равно и элементы железистыя, не проникая впрочемъ далеко въ глубь. Карминъ по временамъ имбибировалъ соединительную ткань, заходя и глубже между дольками. Надѣялся я также получить какія нибудь опредѣленныя картины лимфатическихъ ходовъ, *производя намѣренно экстравазаты при инъекціяхъ кровеносныхъ сосудовъ*. При этомъ картины получались особаго, но всегда постояннаго характера, а именно: прорвавшаяся масса проникала далѣе между элементами стѣнокъ сосудовъ, имѣла менѣе интензивный цвѣтъ, нежели въ самыхъ сосудахъ и раздвигая элементы она прокладывала себѣ путь по ходу сосудовъ, образуя вокругъ ихъ влагалища, на подобіе периваскулярной лимфатической системы. Разумѣется, не было никакого сомнѣнія въ томъ, что это искусственно произведенные ходы, принять которые за лимфатическіе не было ровно никакого основанія. *Методъ укалыванія въ ткань*, рекомендованный впервые Фоманомъ и широко практиковавшійся Тейхманомъ, Брюкке и другими, мною особенно много разъ былъ прилагаемъ при изслѣдованіяхъ. Методъ этотъ выполнялся мною слѣдующимъ образомъ: свѣжая поджелудочная железа,

---

[1]) При помощи этаго метода Н. Афанасьевъ получилъ картину лимфатическихъ сосудовъ на поверхности легкихъ подъ плеврой (диссертація).

[illegible] только что убитаго животнаго, клалась на нѣкоторое [illegible] въ чашку съ теплою водою, съ цѣлью наполненія и возможнаго [illegible] въ объемѣ лимфатическихъ сосудовъ. Послѣ того, какъ [illegible] глазомъ намѣчалось мѣстечко, какъ бы съ разбухшимъ лим[illegible] сосудомъ, то тутъ же производился уколъ иглообразной [illegible] маленькаго Робертовскаго шприца и затѣмъ инъецировалась [illegible] синяя масса Биля. По большей части масса проникала подъ [illegible] поршня въ ткань железы, проходя между дольками и обра[illegible] красивую, правильной формы, сѣтку. Иногда же на мѣстѣ укола [illegible] инъекціи образовывался экстравазатъ подъ перитонеальнымъ по[illegible], величиною съ горошину, и затѣмъ уже масса проникала въ [illegible], причемъ, чрезъ нѣкоторое время, цѣлыя группы долекъ прини[illegible] синій цвѣтъ. Для грубаго вида это были очень заманчивые пре[illegible], но при микроскопическомъ изслѣдованіи отрѣзковъ картины [illegible] совершенно аналогичныя какъ и при методѣ непосредствен[illegible] инъекціи чрезъ сосуды. Принимая во вниманіе крайнюю ненадеж[illegible] метода, неувѣренность въ томъ, что инъецируешь и куда идетъ [illegible], а самое главное получая микроскопическія картины крайне со[illegible]нительнаго характера, говорящаго больше за возможность производства [illegible]ственныхъ путей, подъ давленіемъ инъецируемой массы, невольно [illegible]вается всякое довѣріе къ тому, что ходы, по которымъ прошла [illegible], есть лимфатическіе, тѣмъ болѣе, что при большихъ увеличеніяхъ [illegible] было найдти въ нихъ эндотельяльной обкладки. Такимъ обра[illegible] и этотъ методъ, давшій другимъ изслѣдователямъ чудные резуль[illegible] (Тейхманъ), которые и до сихъ поръ принимаются въ наукѣ [illegible], не оказалъ мнѣ ровно никакихъ услугъ, кромѣ только [illegible] онъ поднялъ во мнѣ тяжелое сомнѣніе ко всему, что занесено [illegible] литературу и чему я прежде безусловно вѣрилъ. Признавая полу[illegible] мною картины за искуственные продукты, я тѣмъ не менѣе [illegible] могу не упомянуть о томъ, что многія изъ нихъ имѣли до такой [illegible] сходный видъ съ рисуемыми картинами лимфатическихъ сосу[illegible] другими изслѣдователями, что иногда можно было серьезно по[illegible], что я имѣлъ дѣло съ настоящими лимфатическими сосудами [illegible] каналами, промежутками). Такъ въ полученныхъ мною [illegible] нерѣдко мелкій сосудъ по мѣстамъ расширялся, а потомъ [illegible] подобно тому, какъ объ этомъ говоритъ Лейдигъ, или же [illegible] масса на нѣкоторыхъ мѣстахъ образовывала большія скопленія, [illegible], на подобіе Ausbuchtungen Kölliker'a, или лякунъ [illegible]'a. Послѣдній методъ испытанный мною былъ *методъ* [illegible] *Рекингаузена*. Выполняемъ этотъ методъ былъ мною слѣ-

дующимъ образомъ: или свѣже-вынутая железа изъ только что убитаго животнаго обливалась растворомъ азотно-кислаго серебра (Argenti nitrici gr x на ℥j Aq), и затѣмъ подвергалась дѣйствію свѣта, или же дѣлались изъ совершенно свѣжей железы отрѣзки, которые на короткое время погружались въ такой же растворъ серебра и затѣмъ подвергались дѣйствію свѣта. При такой обработкѣ препараты микроскопическіе давали картины, на которыхъ видны были, ограниченные альбуминатомъ серебра, какъ поверхностные, подсерозные, такъ равно и между дольчатые ходы правильной, одинаковаго колибра, формы. Ходы эти подъ серознымъ эпителіемъ образовывали на поверхности железы чрезвычайно правильныя (соотвѣтственно границамъ долекъ) сѣти, а внутри железы такія сѣти образованы были тоже между дольками. Присматриваясь же ближе, при большихъ увеличеніяхъ, къ этимъ сѣтямъ ясно было, что промежутки отграничены были отложившимся серебромъ на поверхности первичныхъ долекъ и кромѣ того самые ходы не имѣли собственныхъ стѣнокъ и не имѣли эндотельяльной обкладки. Итакъ, и въ этомъ случаѣ, каналовидные ходы нужно было признать за промежутки между дольками, но были-ли эти промежутки лимфатическими ходами—это оставалось для меня неразъясненнымъ. k) При изслѣдованіи *нервовъ* поджелудочной железы я слѣдовалъ тому же способу, который приложилъ Pflüger для изслѣдованія окончанія нервовъ въ слюнныхъ железахъ. Я бралъ маленькіе кусочки поджелудочной, совершенно свѣжей железы, только что вынутой изъ убитаго животнаго и клалъ ихъ въ растворъ двухромокислаго кали до просвѣтленія и затѣмъ подвергалъ изслѣдованію. Не смотря на очень тщательный осмотръ препаратовъ, я ни на одномъ изъ нихъ не нашелъ ни одной похожей картины, какія изображены на рисункахъ Pfluger'a, да и вообще нервы, даже крупные стволы, трудно были различаемы. Другой способъ, рекомендованный тѣмъ же самымъ Pfluger'омъ для изслѣдованія нервовъ поджелудочной железы, (Pflüger. Die Endigund der Absonderungsnerven in dem Pancreas. Archiv Max Schulze. Bd. V Hft. 2), а именно при дѣйствіи *осміевой кислоты*, мною не былъ испробованъ, такъ какъ я не могъ достать осміевой кислоты въ продажѣ. *Методъ золоченія* я пробовалъ всего три раза, и получилъ одни лишь крупные нервные стволики, которые образовывали между собою сплетеніе, еще ранѣе внѣдренія своего въ железу. Какимъ же образомъ они оканчиваются въ самой железѣ, для меня осталось неизвѣстнымъ. Самый способъ исполнялся слѣдующимъ образомъ: маленькіе кусочки свѣжей железы цѣлыми, или разрѣзанными на пластинки клались въ растворъ хлористаго золота (auri chlorati gr. jjβ на ℥j Aq.) и оставлялись въ темномъ

отъ 2 до 12 часовъ, затѣмъ препаратъ переносился на 6 часовъ въ растворъ уксусной кислоты (Acidi acet. glacial. gtt V на ℥j Aq.). Послѣ отвердѣнія препарата въ спиртѣ приготовлялись отрѣзки и заключались извѣстнымъ путемъ въ дамарлакъ или глицеринъ.

Такъ окончилась моя попытка сдѣлать что нибудь для гистологіи поджелудочной железы. Проработавши усердно около двухъ лѣтъ, я не получилъ ровно *никакихъ новыхъ результатовъ*. Хотя это было и очень грустно, тѣмъ не менѣе эта работа принесла мнѣ громадную пользу, она заставила меня ближе и подробнѣе ознакомиться съ микроскопической техникой, съ выполненіемъ разныхъ методовъ, рекомендовавшихся въ то время, когда я производилъ свою работу и съ разными манипуляціями съ животными, которыя были такъ полезны для меня впослѣдствіи.

Помимо всего этаго, таже работа заставила меня получше познакомиться съ литературой по гистологіи, какъ съ учебниками, такъ и съ отдѣльными спеціальными работами гистологическими.

Какъ слабое воспоминаніе объ этой работѣ, остались всего только 10 микроскопическихъ препаратовъ, подаренныхъ мною въ музей физіологической анатоміи, которые сохраняются и до сихъ поръ.

Въ лабораторіи проф. Хржонщевскаго я работалъ свыше двухъ лѣтъ.

Въ 1866 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ я, нуждаясь въ матеріальныхъ средствахъ, подалъ прошеніе о зачисленіи меня въ военную службу, куда и былъ принятъ 13-го ноября того же года медикомъ для командировокъ при военно-медицинскомъ управленіи въ г. Харьковѣ, на штатной должности и оставался до 26 февраля 1867 года.

Въ началѣ 1867 года проф. Лямбль вошелъ въ Харьковскій медицинскій факультетъ съ рапортомъ, заслушанномъ въ засѣданіи 3 марта, въ которомъ онъ заявилъ факультету, что окончившій курсъ съ званіемъ лѣкаря съ отличіемъ Митрофанъ Поповъ въ продолженіе всего университетскаго курса и по окончаніи онаго съ особенною любовью занимался патологическою анатоміею, постоянно посѣщая лекціи Гг. профессоровъ Грубе, Хржонщевскаго и занимаясь въ патолого-анатомическомъ кабинетѣ, и кромѣ того показалъ проф. Лямблю нѣсколько гистологическихъ препаратовъ, свидѣтельствовавшихъ о его способностяхъ къ техническимъ занятіямъ, и изъявилъ притомъ желаніе быть стипендіатомъ при университетѣ для спеціальнаго изученія патологической анатоміи, съ цѣлью впослѣдствіи быть преподавателемъ этаго предмета. При этомъ Лямбль предложилъ факультету, не угодно-ли ему будетъ баллотировать г. Попова въ упомянутые стипендіаты? Къ предложенію Лямбля вполнѣ присоединился и проф. Ал. С. Питра. Фа-

культетъ, принявъ предложеніе Лямбля, произвелъ въ семъ же засѣданіи баллотировку Попова, причемъ въ результатѣ оказалось 8 избирательныхъ и ни одного неизбирательнаго шара. При баллотировкѣ въ засѣданіи Совѣта 7 марта оказалось избирательныхъ 18 и неизбирательныхъ 1 голосъ. Утвержденіе меня стипендіатомъ состоялось очень скоро, (28 марта 1877 г.), но оставался я въ этомъ положеніи очень недолго всего только до 10 октября 1877 года.

Во время моего стипендіатства я во 1-хъ посѣщалъ лекціи нормальной и патологической анатоміи; во 2-хъ постоянно присутствовалъ при вскрытіяхъ какъ патолого-анатомическихъ, такъ и судебно-медицинскихъ; въ 3-хъ писалъ при патолого-анатомическихъ вскрытіяхъ протоколы, а при судебно-медицинскихъ—самъ производилъ вскрытія, подъ руководствомъ проф. Альберта Самойловича Питра; въ 4-хъ продолжалъ заниматься нормальною и патологическою гистологіею въ лабораторіи проф. Хржонщевскаго, гдѣ продолжалъ свою работу о поджелудочной железѣ; въ 5-хъ занимался въ анатомо-патологическомъ кабинетѣ. Эти послѣднія занятія были чрезвычайно разнообразны. Помимо постояннаго микроскопическаго изслѣдованія болѣзненно измѣненныхъ органовъ, найденныхъ при вскрытіи, я обязанъ былъ, отпрепаровавши извѣстныя части, устанавливать ихъ въ банки, наклеивать сигнатуры и проч. и проч. Кромѣ того, по рекомендаціи и совѣту проф. Лямбля, я занялся спеціальнымъ изслѣдованіемъ отдѣленій: слюны, рвоты, испражненій, мочи, lochia, мокроты. Занятія эти очень многочисленны и разнообразны по полученнымъ картинамъ. Здѣсь же, а также въ лабораторіи Хржонщевскаго, я проштудировалъ на приготовленныхъ мною микроскопическихъ препаратахъ почти всѣ дегенеративные процессы въ органахъ и новообразованія. Послѣднія въ особенности были многочисленны, такъ какъ матеріалъ, помимо вскрытій, получался еще изъ хирургической клиники и съ Сабуровой дачи (больницы). Какъ память объ этихъ занятіяхъ въ музеѣ физіологической анатоміи и до сихъ поръ сохраняются подаренные мною болѣе 100 микроскопическихъ препаратовъ по нормальной и 64 по патологической гистологіи. Помимо всего этаго я производилъ повѣрочныя гистологическія работы, изъ таковыхъ въ представленномъ мною отчетѣ факультету упоминается о двухъ: a) ученіе о дѣтскомъ мѣстѣ (placenta) и b) о серозномъ эпителіѣ и лимфатическихъ сосудахъ брыжейки и брюшныхъ стѣнокъ (повѣрка метода серебренія Реклингаузена). Въ этотъ же періодъ времени мною сдѣлано было научное сообщеніе въ засѣданіи Харьковскаго медицинскаго Общества 8-го апрѣля 1867 года подъ названіемъ: „*Aneurysma septi ventriculorum cordis et stenosis aortae*“.

[illegible] стипендіатства, я однажды чуть не сдѣлался жертвой вскрытія, производя таковое вмѣсто проф. Лямбля. Трупъ былъ [illegible] клиники и былъ піемическій. При выниманіи легкихъ [illegible] тылъ лѣвой кисти объ остросрѣзанные края реберныхъ [illegible] и заразился. Отъ этаго зараженія я съ трудомъ оправился, пробывъ болѣе 2½ мѣсяцевъ.

5-го мая 1867 года проф. Лямбль, по случаю освобожденія мѣста [illegible] прозектора анатоміи, представилъ въ медицинскій факультетъ [illegible] кандидата на занятіе этой должности. Въ засѣданіи факультета 30 августа того же года меня баллотировали и я избранъ былъ [illegible]; при баллотировкѣ же въ засѣданіи Совѣта университета 20 сентября того же года я получилъ избирательныхъ 23 и неизбирательныхъ 4 шара. 10-го октября 1867 года я былъ утвержденъ [illegible] Управляющимъ учебнаго округа въ должности помощника прозектора анатоміи. 13 сентября 1867 года я подалъ г. Ректору прошеніе [illegible] допущеніи меня къ экзамену на степень доктора медицины. Факультетъ допустилъ меня къ таковому и въ засѣданіяхъ факультета 21, [illegible] сентября и 5 октября я успѣшно выдержалъ экзамены по общей [illegible], фармакологіи, рецептурѣ и общей терапіи, частной патологіи и терапіи, судебной медицинѣ и гигіенѣ, но на экзаменѣ по [illegible] 12 октября проф. Щелковъ призналъ отвѣты мои неудовлетворительными и внесъ отмѣтку въ протоколъ. Такая неудача такъ [illegible] подѣйствовала на меня, что я не сталъ продолжать далѣе экзамены на доктора, несмотря на настойчивыя требованія профессоровъ [illegible] и Вагнера продолжать экзаменъ.

Въ должности помощника прозектора анатоміи я пробылъ съ [illegible] сентября 1867 года по 1 января 1872 т. е. 4 года 2 мѣсяца и 20 [illegible]. Обязанности возложены были на меня очень разнообразныя: [illegible] хранителемъ анатомическаго музея и вести матеріальныя книги, [illegible] о доставкѣ труповъ, объ уборкѣ препарованныхъ частей, [illegible] труповъ, производить мацерированіе костей, наблюдать [illegible] анатомическимъ театромъ и анатомическими служителями, [illegible] за цѣлостью и сохранностью инструментовъ, а также [illegible] мебели. Кромѣ всего этого я долженъ былъ помогать прозектору [illegible] приготовленіи препаратовъ къ лекціямъ и повозможности [illegible] препараты въ анатомическій музей.

Принятый мною отъ бывшаго помощника прозектора Ѳ. В. Гана [illegible] физіологической анатоміи былъ очень бѣденъ, въ немъ числилось [illegible] только 497 препаратовъ. Недоставало самыхъ необходимыхъ [illegible] для лекціи, въ особенности по внутренностямъ. Во всемъ

музеѣ было только 2 связанныхъ скелета, да и то изъ нихъ одинъ былъ сильно поврежденъ и растерянъ. Естественно, что пришлось прежде всего заняться возможнымъ пополненіемъ музея, что и производилось совокупными силами, профессора, прозектора и моими. За время моего пребыванія въ должности помощника прозектора я успѣлъ поставить въ музей 125 экземпляровъ различныхъ анатомическихъ препаратовъ. За тоже время мною доложены въ засѣданіяхъ Харьковскаго медицинскаго Общества и напечатаны въ протоколахъ Общества слѣдующія сообщенія: 1) *„Рефератъ брошюры Смирнова о „Грязнушкѣ“ и рефератъ „Отчета Русскаго бальнеологическаго Общества за 1867 годъ“; 2) Anomalia art. brachialis; 3) Anomalia art. anonymae et art. radialis; 4) Anomalia nervi perforantis Casserii et nervi suralis; 5) Унилятеральное развитіе art. cerebelli inf. ant. sinis.; 6) Aneurysma cirsoideum artt. extr. sup.; 7) Foramen septi ventriculorum cordis у новорожденнаго ребенка.*

Состоя помощникомъ прозектора, я читалъ частный курсъ анатоміи и физіологіи женскихъ половыхъ органовъ въ Харьковскомъ земскомъ повивальномъ училищѣ, съ августа 1869 года по 1872 годъ. На каникулахъ въ 1870 году, съ 15 іюня по 22 августа, исполнялъ обязанности врача распорядителя лечебницы для приходящихъ больныхъ, послучаю болѣзни врача распорядителя, и напечаталъ *„Отчетъ о лечебницѣ Харьковскаго медицинскаго Общества за первую половину 1870 года“.*

Вслѣдствіе просьбы проф. Альберта Самойловича Питра и ходатайства медицинскаго факультета въ 1870 году, попечитель учебнаго округа допустилъ меня къ временному исполненію обязанностей по вакантной должности помощника прозектора при каѳедрѣ судебной медицины, каковую обязанность я исполнялъ съ 1 сентября 1870 года по 16 февраля 1871 года. Наблюдавшіяся мною судебно-медицинскія вскрытія дали мнѣ матеріалъ для напечатанія статьи: *„Перечень судебно-медицинскихъ вскрытій, произведенныхъ въ анатомическомъ театрѣ Харьковскаго университета въ продолженіи 1869—1870 академическаго года“.*

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1869 года я снова приступилъ къ докторскому экзамену и до мая мѣсяца 1870 года окончилъ какъ всѣ теретическіе экзамены, такъ и большинство практическихъ, но не всѣ.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 12 ноября 1870 г. проф. Вагнеръ вошелъ съ рапортомъ слѣдующаго содержанія:

„Ссылаясь на отношеніе министерства народнаго просвѣщенія о посылкѣ молодыхъ людей, желающихъ приготовиться къ профессорскому званію, за-границу, позволяю себѣ предложить факультету, какъ

кандидата М. А. Попова. Въ наше время описательная анатомія имѣетъ весьма мало поклонниковъ, а должность прозектора описательной анатоміи еще менѣе привлекаетъ кандидатовъ. Хотя по нашему уставу прозекторъ въ то-же время считается доцентомъ и такъ какъ, по всей вѣроятности, факультетъ въ скоромъ времени будетъ въ необходимости пріискать себѣ прозектора, то мнѣ кажется желательно-бы было послать нынѣшняго помощника прозектора, для лучшей его подготовки, на счетъ министерства за-границу, для дальнѣйшаго изученія, какъ научной, такъ равно и технической стороны описательной анатоміи. М. А. Поповъ служитъ при нашемъ факультетѣ болѣе четырехъ лѣтъ и во все время усердно и съ отличнымъ успѣхомъ занимался. При большомъ количествѣ занятій помощника прозектора, при томъ, при частномъ исполненіи временной должности прозектора судебной медицины, едва-ли возможно ожидать, чтобы онъ имѣлъ время предаться разработыванію спеціальныхъ анатомическихъ вопросовъ и сообщить труды эти. Все таки, невзирая на обремененіе работами своей службы, Поповъ написалъ рядъ анатомическихъ сообщеній, помѣщенныхъ въ протоколахъ Харьковскаго медицинскаго общества. Сообщенія эти таковы: 1) anomalia art. brachialis (1868); 2) anomalia art. anonymae et radialis (1868); 3) anomalia n. perfor. Casserii et n. suralis (1869); 4) одностороннее развитіе art. cerebelli inf. ant. sin. (1869); 5) aneurysma circuli arteriarum extr. sup.; 6) Cor infantis neonati cum foramine septi ventriculorum (1870). Кромѣ того „перечень судебно-медицинскихъ вскрытій въ $18^{69}/_{70}$ академическомъ году“. Многія сообщенія сопровождаются хорошими рисунками; всѣ содержатъ описаніе препаратовъ, какъ они встрѣчаются въ секціонной залѣ. Отъ анатома слѣдуетъ требовать на первомъ планѣ техническую ловкость въ приготовленіи хорошихъ препаратовъ, и въ этомъ отношеніи я могу только хвалить Попова. Во всякомъ случаѣ онъ обладаетъ счастливою рукою и усидчивостью, которая необходима для приготовленія хорошихъ препаратовъ. Анатомическій кабинетъ обладаетъ многими препаратами, сдѣланными руками Попова, между прочимъ удачными инъекціями. Также очень микроскопическія инъекціи, какъ напримѣръ печени, почекъ, поджелудочной железы не оставляютъ желать ничего лучшаго. М. А. Поповъ посвятилъ много времени микроскопическимъ изслѣдованіямъ, но до сихъ поръ не успѣлъ обнародывать результаты своихъ занятій съ микроскопомъ. Хотя имъ давно уже начата спеціальная работа „о лимфатическихъ сосудахъ и окончаніи нервовъ въ поджелудочной железѣ“, но она еще не доведена до конечныхъ результатовъ и потому еще не обнародована. Микроскопическіе препараты его мнѣ знакомы и

помоему принадлежатъ къ лучшимъ, которые здѣсь существуютъ. Если медицинскій факультетъ исходатайствуетъ у министерства г. Попову средства для дальнѣйшаго образованія, то факультетъ можетъ расчитывать пріобрѣсти себѣ въ будущемъ отличнаго преподавателя анатоміи и обезпечить себѣ при замѣщеніи должности прозектора и профессора описательной анатоміи. Такъ какъ г. Поповъ и его дѣятельность извѣстны большей части членовъ факультета, то я полагаю, что факультетъ согласится со мной и будетъ ходатайствовать предъ министерствомъ о командированіи Попова, какъ о дѣлѣ весьма желательномъ. Приводить еще что нибудь больше для его рекомендаціи я нахожу даже лишнимъ.

Министерство народнаго просвѣщенія, при рекомендаціи лицъ для посылки за-границу, обращаетъ вниманіе на настоятельныя нужды университетовъ. Имѣя это въ виду, я надѣюсь, что медицинскій факультетъ раздѣляетъ мое мнѣніе, что именно въ этомъ отношеніи предложенный мною кандидатъ какъ разъ удовлетворяетъ предложенію и условію министерства". Факультетъ положилъ имѣть сужденіе о предложеніи проф. Вагнера по окончаніи испытанія г. Поповымъ на степень доктора медицины. Въ засѣданіи 10-го декабря того же года г. деканъ заявилъ, что г. Поповъ окончилъ экзамены на доктора медицины и предложилъ факультету рѣшить вопросъ о посылкѣ Попова за-границу для приготовленія къ профессорскому званію. Вслѣдствіе этого предложенія, факультетъ закрытою подачею голосовъ рѣшилъ означенный вопросъ единогласно утвердительно. Положили: просить совѣтъ университета ходатайствовать по этому дѣлу. Въ засѣданіи совѣта 21 декабря заслушано представленіе факультета о Поповѣ, затѣмъ произведена баллотировка Попова на отправленіе за-границу съ ученою цѣлью на два года, причемъ онъ выбранъ единогласно (32 голоса). Опредѣлили: просить медицинскій факультетъ представить проэктъ инструкціи для Попова на время заграничной командировки, для разсмотрѣнія его въ совѣтѣ. 14 января 1871 года медицинскій факультетъ представилъ въ совѣтъ „Инструкцію" для лѣкаря М. Попова, каковую совѣтъ одобрилъ и положилъ просить ходатайства г. попечителя о командированіи Попова на два года за-границу.

Отвѣтъ на это ходатайство пришелъ лѣтомъ 1871 года, а заслушанъ въ засѣданіи медицинскаго факультета 20 сентября. Отвѣтъ былъ слѣдующій: „Отношеніе г. ректора въ факультетъ отъ 13 іюля съ препровожденіемъ копіи съ предложенія г. попечителя Харьковскаго университета совѣту университета отъ 10 іюля, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что г. министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ его, что такъ

...въ настоящемъ году сумма, ассигнованная по смѣтѣ министерства ... приготовленіе профессоровъ и учителей, вся уже распредѣлена, при ... оказалось недостаточной даже для посылки за-границу молодыхъ ... рекомендованныхъ начальствомъ учебныхъ округовъ по предметамъ такихъ университетскихъ факультетовъ, которые наиболѣе нуждаются, не находитъ возможнымъ удовлетворить ходатайству Харьковскаго университета объ отправленіи лѣкаря Митрофана Попова на два года заграницу на счетъ суммъ министерства, для приготовленія къ профессорскому званію по предмету анатоміи здороваго человѣка". Факультетъ положилъ принять къ свѣдѣнію отвѣтъ министерства, но въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года возобновилъ вновь ходатайство о командированіи Попова за-границу. Совѣтъ университета въ засѣданіи 25 октября также снова постановилъ ходатайствовать о командированіи Попова за-границу. На этотъ разъ ходатайство было уважено и министерство, приказомъ отъ 3 декабря 1871 г., командировало меня съ 1-го января 1872 по 1874 годъ за-границу, съ содержаніемъ въ годъ по 1500 рублей, причемъ я отчисленъ былъ отъ университета и причисленъ къ министерству. Ѣхать за-границу я долженъ былъ чрезъ Петербургъ.

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1871 года я выѣхалъ изъ Харькова въ *Москву*, гдѣ остановился на 3 дня для осмотра анатомическаго театра и музея и для ознакомленія со способомъ веденія практическихъ занятій. Благодаря любезности проф. Зернова, я за три дня получилъ подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ ведется вообще преподаваніе анатоміи въ Москвѣ, при этомъ осмотрѣлъ буквально весь анатомическій институтъ, начиная отъ мацераціонной и инъекціонной комнатъ и кончая музеемъ. Внеся въ свою памятную книгу все, что для меня было ново и что я считалъ полезнымъ ввести, по возвращеніи въ нашемъ Харьковскомъ университетѣ, я даже переписалъ всѣ ... препараты, которые желалъ современемъ поставить въ анатомическій музей въ Харьковѣ. Во время пребыванія въ Москвѣ я подробно осмотрѣлъ, тоже съ необходимыми замѣтками, Зоологическій и Румянцевскій музеи. Мимоходомъ осмотрѣлъ я и Кремль со всѣми его древностями.

Пріѣхавъ въ *С.-Петербургъ* въ началѣ января 1872 года, я по обстоятельствамъ, отъ меня независящимъ, задержался тамъ довольно долго, а именно до 10 февраля, пока не получилъ изъ Медицинскаго Департамента бумагу (9 февраля 1872 г. за № 1441), подписанную тогдашнимъ министра народнаго просвѣщенія статсъ-секретаремъ И. Д. Деляновымъ и директоромъ М. Брадке, въ которой сказано, что я

*

командируюсь за-границу на 2 года съ ученою цѣлью, съ содержаніемъ въ 1500 рублей; что я обязанъ чрезъ каждые 3 мѣсяца представлять отчетъ о своихъ занятіяхъ; что отчеты эти будутъ передаваться на разсмотрѣніе въ подлежащій факультетъ и въ ученый комитетъ и что командировка моя будетъ мнѣ зачтена въ службу, въ случаѣ, если я по возвращеніи изъ заграницы получу должность по учебной части. Кромѣ того въ бумагѣ сказано, что за каждый годъ пребыванія въ заграничной командировкѣ я обязанъ по возвращеніи прослужить 2 года по назначенію министерства.

Время, на которое я задержался въ Петербургѣ, прошло у меня не даромъ, а съ величайшею пользою. Помимо того, что я имѣлъ возможность ознакомиться со всѣмъ тѣмъ, что только имѣетъ достопримѣчательнаго и интереснаго Петербургъ (я былъ въ немъ первый разъ), я, главнымъ образомъ, нашелъ для меня неистощимый интересный матеріалъ въ анатомическомъ театрѣ въ медико-хирургической академіи. Благодаря любезности проф. В. В. Грубера и ближайшаго его помощника Ермолаева, я имѣлъ возможность на препаратахъ изучать тѣ научныя богатства, которыя собраны въ музеѣ анатоміи. Поразительно громадная коллекція череповъ со всевозможными аномаліями, мышечныя, артеріальныя и нервныя аномаліи, чудные препараты по нормальной анатоміи, приготовленные главнымъ образомъ самимъ Грубером, до такой степени увлекли меня, что я положительно не замѣтилъ какъ прошло время. Я проводилъ въ анатомическомъ театрѣ ежедневно 6—7 часовъ, справляясь съ разными Груберовскими монографіями и провѣряя все по препаратамъ. Уѣзжая изъ Петербурга, я, разумѣется, успѣлъ *обстоятельно* познакомиться только съ немногими отдѣлами музея, но пересмотрѣлъ вообще много. Кромѣ того, я хорошо освоился съ тѣми порядками, которые введены были Грубером при практическихъ занятіяхъ, демонстраціяхъ и экзаменахъ.

Согласно данной мнѣ инструкціи, первое мѣсто, которое я избралъ для моихъ занятій была *Вѣна*. Занятія мои состояли во 1-хъ въ слушаніи лекцій описательной и топографической анатоміи, во 2-хъ въ практическихъ занятіяхъ надъ трупами по этимъ предметамъ, въ 3-хъ въ практическихъ занятіяхъ по микроскопической анатоміи, въ 4-хъ въ подробномъ осмотрѣ анатомическихъ музеумовъ, причемъ обращено было вниманіе и на способы приготовленія препаратовъ.

Лекціи по нормальной анатоміи я слушалъ у профф. Лянгера и Гиртля и кромѣ того посѣщалъ частный курсъ—д-ра Appelfeld'a, ассистента Лянгера. Такъ какъ я пріѣздомъ въ Вѣну запоздалъ, то мнѣ пришлось у Лянгера выслушать анатомію плевры, дыхательныхъ орга-

ніе и начало пищеварительныхъ; кромѣ того мозгъ, головные нервы и органы чувствъ. По топографической анатоміи—топографію верхнихъ конечностей. У проф. Гиртля я выслушалъ головной и спинной мозгъ съ оболочками. Appelfeld прочелъ краткій Repetitorium нѣсколькихъ отдѣловъ анатоміи: кости и связки, а затѣмъ сразу перешелъ на артеріи шеи, головы, шеи, верхнихъ и нижнихъ конечностей и мозгъ головной и спинной. Курсъ этотъ былъ слабенькій; единственно чѣмъ возможно было воспользоваться въ немъ—это пересмотромъ хорошо приготовленныхъ препаратовъ. Практическія занятія я велъ у проф. Лянгера въ Іозефинумъ. Я работалъ въ общей рабочей залѣ, которая не можетъ похвалиться хорошими удобствами: свѣту мало и онъ получался изъ фонаря, сдѣланнаго въ потолкѣ, изъ оконъ же свѣту поступало мало, такъ какъ они обращены были всѣ къ какой то каменной стѣнѣ. Препарировалъ я главнымъ образомъ нервы, а изъ нихъ по преимуществу брюшную часть симпатическаго нерва. Не могу при этомъ не замѣтить, что такъ называемые rr. intestinales n. sympathici, сопровождающіе одноименные сосуды, вышедши изъ plexus myentericus, облекая art. mesent. sup., идутъ далѣе къ брыжеечному краю кишки въ видѣ нервныхъ тонкихъ нитей. На мѣстѣ дихотомическаго дѣленія этихъ нитей образуются узлы треугольной формы и разной величины (отъ 2—4 mm.). Кромѣ треугольной формы узловъ, попадаются узлы звѣздчатой формы. Такіе узлы помѣщаются по большей части на уровнѣ первыхъ петлей (дугъ) a. mesent. superioris и изъ нихъ выходятъ отъ 3 до 6—8 нервныхъ нитей по направленію къ кишечной трубѣ, вмѣстѣ съ артеріями. По топографической анатоміи мною послѣдовательно отпрепарованы шея, верхняя конечность, тазъ и нижняя конечность. Здѣсь я впервые познакомился съ крючками съ длинными цѣпочками (или же шнурами) и съ привязанными къ нимъ гирьками въ видѣ колокольчиковъ. Крючки эти дѣйствительно очень практичны и не рѣдко вполнѣ замѣняютъ помощника при препараціи.

Кромѣ этаго я посѣщалъ лекціи по гистологіи приватъ-доцента Тольда и занимался подъ его руководствомъ, въ лабораторіи Лянгера, практически микроскопическою анатоміею. У него же я выслушалъ лекцію спинно-мозговыхъ нервовъ. Добросовѣстное отношеніе Toldt'a къ дѣлу дало мнѣ возможность пройдти на собственныхъ препаратахъ всю общую и частную гистологію въ теченіе ½ года, причемъ я себѣ составилъ—полную коллекцію микроскопическихъ препаратовъ по нормальной гистологіи. Кромѣ того, я у Тольда же началъ спеціальную работу „*О нервахъ желчнаго пузыря*“, которую успѣлъ окончить съ положительнымъ успѣхомъ къ сентябрю 1872 года. Эту работу я пред-

ставилъ въ харьковскій медицинскій факультетъ, какъ диссертацію на степень доктора медицины.

Курсъ эмбріологіи я выслушалъ у д-ра Schenk'a. Курсъ былъ хотя и краткій, но за то вполнѣ демонстративный. У того-же Schenk'a я занимался и практически по эмбріологіи, прослѣдивъ, болѣе чѣмъ на 600 препаратахъ, развитіе куринаго зародыша отъ 2 часовъ до 11 дней, въ послѣдовательномъ порядкѣ.

У Шенка я познакомился съ очень простымъ аппаратомъ для выводки куриныхъ зародышей, въ которомъ вдѣланъ регуляторъ, придуманный Шенкомъ. Цѣль устройства регулятора та, чтобы удержать въ нагрѣвающейся ваннѣ температуру постоянную, не свыше 40° С.

За время моего пребыванія въ Вѣнѣ я успѣлъ (*кромѣ публичныхъ* анатомическихъ *музеевъ Dessort'a* и *Präuscher'a*) подробно ознакомиться съ громаднымъ *анатомическимъ музеемъ Гиртля* и сравнительно небольшимъ *музеемъ Лангера*. Гиртля музей, помимо чисто научнаго интереса, принесъ мнѣ большую пользу и тѣмъ, что я познакомился здѣсь какъ со способомъ приготовленія препаратовъ (приготовленіе разныхъ инъекціонныхъ массъ, производство инъекцій, вымачиваніе въ спирту разныхъ препарованныхъ частей, послѣ предварительнаго расправленія ихъ помощью гигроскопической ваты, пропускной бумаги и проч.), такъ равно и съ задѣлкой препаратовъ въ банки, правильной установкой, окраской ихъ и другими мелочами, которыя такъ важны при составленіи анатомическихъ коллекцій. Перечислять болѣе выдающіеся препараты музея Гиртля было бы излишне, такъ какъ всѣ препараты въ этомъ музеѣ изящны, хороши. Каталогъ музея составленъ и напечатанъ самимъ Гиртлемъ (Vergangenheit und Gegenwart d. Museums f. menschl. anat. an d. Wiener Universität 1869 г.). Не могу впрочемъ не упомянуть о громадномъ отдѣлѣ внутренностей, выдающихся по своей изящной постановкѣ, а также и о коррозіонныхъ препаратахъ, составляющихъ красу музея. Не менѣе поучительны были для меня частыя посѣщенія *сравнительно — анатомическаго музея Гиртля въ Вѣнѣ и патолого-анатомическихъ музеевъ Рокитанскаго и Энгеля* тоже *въ Вѣнѣ*. Громадныя собранія препаратовъ въ этихъ музеяхъ, важныя по рѣдкости, или интересныя по способу приготовленія, невольно заставляли подольше останавливаться на нихъ и изучать. Весьма многое, что мнѣ прежде извѣстно было только по рисункамъ, я видѣлъ теперь на натуральныхъ препаратахъ.

Во время каникулъ свободное отъ занятій время я утилизировалъ на осмотръ анатомическихъ музеевъ въ другихъ городахъ. Съ этой цѣлью я ѣздилъ *въ Пестъ* для осмотра *музея Lenhossck'a*, который мнѣ

демонстрировалъ д-ръ Михалковичъ. Здѣсь я видѣлъ чудные препараты по головнымъ нервамъ и весьма многочисленныя и трудныя венозныя инъекціи (венозныя сплетенія въ тазу, въ позвоночномъ каналѣ, подкожныя вены лица, головы, шеи, конечностей и проч. и проч.). Музей имѣетъ много прекрасныхъ препаратовъ также по мозгу, артеріямъ и лимфатической системѣ.

Съ тою-же цѣлью я ѣздилъ на 2 дня *въ Прагу*, гдѣ *анатомическій музей* проф. Henke хотя по объему и меньше видѣнныхъ мною раньше, но зато заключаетъ въ себѣ нѣсколько поразительныхъ препаратовъ по техникѣ, а именно анастомозы личнаго нерва съ тройничнымъ (n. petrosus superf. major), ganglion Bogdaleki и друг.). Въ Прагѣ же мной осмотрѣнъ патолого-анатомическій музей Treitz'a.

Въ Мюнхенѣ я тщательно осмотрѣлъ *анатомическій институтъ и музей Bischof'a и Rüdinger'a*. Весь музей состоитъ изъ трехъ большихъ залъ. Собственно анатомическіе препараты занимаютъ одну большую комнату; въ другой комнатѣ, поменьше, помѣщаются эмбріологическій и остеологическій отдѣлъ, а также и восковые препараты и наконецъ въ третьей большой залѣ *патолого-анатомическіе препараты (медицинскіе проф. Buhl'я)*. Въ этомъ музеѣ все мое вниманіе направлено было на препараты проф. Rudinger'a, которые, какъ извѣстно, послужили матеріаломъ для изданія знаменитаго и въ настоящее время классическаго атласа нервной системы (головные и спинно-мозговые нервы) Рюдингера. Только незначительная часть этихъ препаратовъ сохранилась въ банкахъ со спиртомъ; большинство-же большихъ, громадныхъ препаратовъ сохранялось въ цинковыхъ ящикахъ, наполненныхъ разведеннымъ спиртомъ. Обзоръ этихъ препаратовъ возстановилъ въ моей памяти все то, что извѣстно было мнѣ изъ изданнаго атласа.

Въ Гейдельбергѣ мною тщательно былъ осмотрѣнъ *анатомическій институтъ* и *музей* проф. *Arnold'a и Nuhn'a*. Музей невеликъ, но зато здѣсь находятся, между прочимъ, препараты головныхъ нервовъ, приготовленные, вмѣстѣ съ сосудами, Арнольдомъ, которые послужили ему матеріаломъ для изданія извѣстнаго всѣмъ атласа, „Icones nervorum capitis". Нельзя также не отмѣтить полныхъ коллекцій по артеріяльной и венозной системѣ, а также прекраснаго собранія по лимфатической системѣ, въ особенности препараты большаго груднаго лимфатическаго протока.

Представленные мною отчеты о занятіяхъ за первыя три четверти 1872 года, въ которыхъ, помимо перечня моихъ занятій, перечислены также и всѣ литературныя пособія (въ видѣ учебниковъ и спеціальныхъ сочиненій), которыя мною были проштудированы за это время,

были одобрены ученымъ комитетомъ. Въ Харьковскомъ университетѣ письменные одобрительные отзывы о моихъ отчетахъ и занятіяхъ были прочитаны въ медицинскомъ факультетѣ проф. Вагнеромъ въ засѣданіяхъ 23 сентября и 13 ноября 1872 года.

23 сентября 1872 года въ засѣданіи медицинскаго факультета заслушано было мое прошеніе съ представленіемъ диссертаціи на степень доктора медицины, подъ заглавіемъ „*Нервы желчнаго пузыря*“ [1]). Факультетъ поручилъ проф. Кучину представить рецензію на это сочиненіе. При диссертаціи приложены слѣдующіе тезисы:

1) Окончанія нервовъ въ желчномъ пузырѣ должны находиться въ ядрахъ мышечнаго его слоя.

2) Инъекція лимфатическихъ сосудовъ черезъ уколъ въ ткань представляетъ очень сомнительный и ненадежный способъ.

3) Инъекція восково-жировой массой сосудовъ, при совмѣстномъ приготовленіи на трупѣ мускуловъ, артерій, венъ и нервовъ, не облегчаетъ, а затрудняетъ самую препаровку.

4) Замѣчаніе Toldt'a касательно направленія микроскопическихъ венозныхъ стволиковъ въ кишечномъ каналѣ нельзя принять какъ постоянное явленіе.

5) Одна изъ лучшихъ сохраняющихъ жидкостей для грубыхъ анатомическихъ препаратовъ есть спиртъ.

6) Анемія селезенки не можетъ считаться характернымъ признакомъ при смерти отъ удушенія.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 7-го октября того-же года проф. Кучинъ прочиталъ свою рецензію на мою диссертацію, признавъ ее удовлетворительною. Съ мнѣніемъ Кучина согласились и всѣ другіе члены факультета и назначили 12-е октября днемъ публичной защиты, при оффиціальныхъ оппонентахъ гг. профф. Оболенскомъ, Кучинѣ и Вагнерѣ. Къ этому времени я, съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, пріѣхалъ въ Харьковъ. Во время защиты диссертаціи, кромѣ оффиціальныхъ оппонентовъ, въ качествѣ неоффиціальнаго выступилъ проз. Вилкомирскій. Защита диссертаціи признана была факультетомъ удовлетворительной и я удостоенъ былъ степени доктора медицины, въ каковой и утвержденъ 19 октября 1872 года.

Послѣ защиты диссертаціи я немедля выѣхалъ снова за-границу въ Тюбингенъ къ проф. Лушка, гдѣ и занимался съ 1-го ноября 1872 г.

---

[1]) Диссертація моя напечатана была въ журналѣ Руднева и Заварыкина „Журналъ нормальной и патологической гистологіи, фармакологіи и практической медицины“ за 1872 годъ. Полученные мною оттиски поразили меня массою опечатокъ и даже ошибокъ и пропусковъ.

[illegible] августа 1873 г. Занятія мои въ Тюбингенѣ въ продолженіи [illegible] полныхъ двухъ семестровъ (зимняго и лѣтняго) состояли во-1-хъ, [illegible] посѣщеніи лекцій профф. Лушка и Дурси, и во-2-хъ, въ практическихъ занятіяхъ. У проф. Лушка я выслушалъ полный курсъ нормальной анатоміи, за исключеніемъ остеологіи и синдесмологіи, курсъ топографической анатоміи верхнихъ конечностей, таза, нижнихъ конечностей и шеи. У профессора Дурси я выслушалъ полный курсъ эмбріологіи, а изъ отдѣловъ анатоміи остеологію и синдесмологію. Практическія занятія поглощали у меня очень много времени, причемъ велись [illegible] главнымъ образомъ по грубой анатоміи; гистологическіе препараты [illegible] я и дѣлалъ, но сравнительно меньше.

Кажется ни одинъ городъ не принесъ мнѣ столько пользы, въ [illegible] спеціальнаго анатомическаго образованія, какъ Тюбингенъ. Благодаря замѣчательно рѣдкому вниманію, съ которымъ проф. Лушка относился ко мнѣ, я имѣлъ возможность пополнить значительно свои [illegible] по анатоміи. Кромѣ литературной разработки каждой изъ [illegible] встрѣчавшейся при практическихъ занятіяхъ аномаліи, кромѣ подробнѣйшаго разбора топографическихъ препаратовъ, проф. Лушка поставилъ мнѣ задачею также ознакомиться какъ съ веденіемъ преподаванія анатоміи и главнымъ образомъ практическихъ занятій, такъ равно и съ разными способами консервированія препаратовъ, инъекціями и [illegible] и проч. Домашними моими занятіями (по вечерамъ) было изученіе болѣе подробныхъ анатомическихъ сочиненій и монографій, по рекомендаціи проф. Лушка. Библіотека въ Тюбингенскомъ университетѣ прекрасная и она была вполнѣ открыта для меня. Одновременно со мной въ Тюбингенѣ занимались изъ Петербурга д-ръ Георгій Шмидтъ по лярингологіи, изъ Одессы кандидатъ физико-химическихъ наукъ Петръ Меликовъ (Меликовли)—по химіи и бывшій студентъ медико-хирургической Петербургской академіи Иванъ Бартелинкъ, поступившій студентомъ въ Тюбингенскій медицинскій факультетъ. Въ составъ отчета моего за четвертую четверть 1872 года вошли, между прочимъ, описанія разныхъ аномалій, которыя мнѣ попадались при занятіяхъ, а именно: musc. levator gland. thyreoideae, аномаліи mm. lamellosi colli, omohyoidei, bicipitis brachii; nervi perforantis Casserii, n. cutanei femoris externi; изъ артеріальныхъ отклоненій описано образованіе ненормальной дуги между art. tibialis ant. и art. malleolaris ant. ext. Замѣтка объ особенности прикрѣпленія на плечевой кости musc. pectoralis majoris. Письменный отзывъ проф. Вагнера объ этомъ отчетѣ былъ заслушанъ въ засѣданіи медицинскаго факультета Харьковскаго университета 22-го января 1873 года. Отзывъ данъ весьма

одобрительный, съ которымъ вполнѣ согласились и другіе члены факультета и положили представить отчетъ къ напечатанію въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ отчетѣ за первую четверть 1873 г. я помѣстилъ описаніе способа сохраненія препаруемыхъ частей трупа въ разбавленномъ спиртѣ, практикуемаго въ Тюбингенскомъ анатомическомъ театрѣ. Тамъ же подробно описанъ способъ дополнительной инъекціи артерій, посредствомъ сургучныхъ массъ. Въ отчетѣ помѣщены описанія наблюдавшихся аномалій: a) *Ненормальное сочленіе первой пары реберъ* (эта статья мною отдѣльно напечатана въ 1875 году); b) третья головка musc. bicipitis brachii; c) anomalia musc. peronei tertii; d) arter. coeliaca и ея видоизмѣненія; e) anomalia art. popliteae; f) особенный видъ распредѣленія артерій на ручной кисти; g) одинъ изъ варіантовъ подкожныхъ венъ шеи; h) anom. nerv. perfor. Casserii.

Отзывъ проф. Вагнера объ этомъ отчетѣ заслушанъ былъ въ засѣданіи медицинскаго факультета Харьковскаго университета 14-го мая 1873 года. Отзывъ былъ весьма лестный, съ которымъ согласился и факультетъ, причемъ положено было напечатать и этотъ отчетъ въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ отчетъ за 2-ю четверть 1873 года мною помѣщены, между прочимъ, описанія нижеслѣдующихъ наблюденій: 1) Diverticuli duodeni; 2) Fractura cranii; 3) Anomalia musc. bicipitis brachii; 4) Fornix humeralis et bursa subacromialis; 5) Hydrocele и 6) Van Vetter'овскій методъ. Первые „Diverticuli duodeni“ наблюдались на трупѣ старика въ количествѣ двухъ мѣшковъ. Оба они находились у верхняго конца нисходящей части 12—перстной кишки, причемъ одинъ изъ нихъ выступалъ къ задней стѣнкѣ, а другой ближе къ передней стѣнки кишки. Оба дивертикула шаровидной формы ($2^1/_2$ см. въ діаметрѣ), расположены были на разстояніи $1^1/_2$ см. другъ отъ друга. Какихъ либо болѣзненныхъ измѣненій въ 12—перстной кишкѣ не найдено. Оба мѣшка имѣли хорошо сформированныя стѣнки, состоящія изъ 3—слоевъ: слизистаго съ подслизистою тканью, мышечнаго и серознаго. 2-е наблюденіе „Fractura cranii“ найдена была у старика 65 лѣтъ, который, сорвавшись съ высоты, упалъ на камень съ острыми краями и тутъ-же вскорости скончался. По снятіи черепныхъ покрововъ, которые были разсѣчены на лѣвомъ темени въ видѣ порѣзанной раны 3 см. въ длину, оказалось, что лѣвая теменная кость имѣетъ овальное вдавленіе 4 см. длины и $2^1/_2$ см. ширины, расположенное косо сверху внизъ, спереди назадъ и находится въ разстояніи $1^1/_2$ см. отъ нижне-задняго угла теменной кости. По длинѣ вдавленія тянется слабая линейная инфракція laminae

Соотвѣтственно наружному вдавленію на lamina vitrea нахо- звѣздообразный разломъ съ запекшеюся кровью. Все мѣсто вдав- снутри представляетъ такое же возвышеніе. 3) „Anomalia musc. brachii“ состояла въ томъ, что двухглавый мускулъ имѣлъ головки, начало 3-й головки было на уровнѣ прикрѣпленія musc. -brachialis, а начало 4-й головки тотчасъ ниже tuberculi min. 4) „Fornix humeralis et Bursa subacromialis“. Сдѣлано подроб- описаніе плечеваго свода и нормальное распространеніе подакро- синовіальной сумки. Тутъ же приложено описаніе двухъ на- шихся мною случаевъ сообщенія (communicatio) полости подъ- альной сумки съ полостью плечеваго сустава. Сообщающее отвер- въ одномъ случаѣ было 8 мм., а въ другомъ 12 мм. въ діаметрѣ. „Hydrocele“ наблюдалось на правомъ яичкѣ 40 лѣтняго мужчины. образный мѣшокъ расположенъ былъ надъ яичкомъ, такъ что послѣднее было отдавлено книзу. Размѣры мѣшка 5 см. въ діаметрѣ, форма шаровидная. Развилась повидимому изъ Hydatis Morgagni, такъ въ содержимомъ попадались сѣмянныя нити. Въ сообщеніи цити- сочиненія Hyrtl'я, Luschka, Liston'a, Dalrymple'я Lloyd'a, Huskal'я, Cramer'a и друг. 6) „Van-Vetter'овскій методъ сохраненія анатомическихъ препаратовъ“. Въ 1867 году въ Gazette des Hospitaux № 84 появилась замѣтка д-ра Ducheune de Boulogne объ особен- способѣ сохранять анатомическіе препараты, какъ уже готовые, равно еще и непрепарованныя отдѣльныя части тѣла. Методу Дюшень научился у Van-Vetter'a, шефа анатомическихъ работъ Парижѣ, почему это имя и присвоено самому методу.

Рефераты объ этомъ способѣ появились въ Bericht über die Leistun- et cet. Hirsch-Virchow'a за 1867 годъ, I Bd. и въ Smidt's Jahrbücher 1867 годъ, Bd. 136, № 2. Объ этомъ же методѣ появилась статья проф. Stieda (Dorpat), напечатанная въ Archiv für Anatom., physiologie Wissenschaf. Medicin Reichert'a и Du-Bois-Reymond'a за 1872 годъ, 4, подъ названіемъ „Ueber die Van-Vetter'sche Methode zur Herstel- anatomischer Präparate“.

Задачи, достигаемыя этимъ методомъ, двѣ: въ 1-хъ Фанъ-Фетте- растворъ можетъ служить какъ предохраняющая отъ разложе- жидкость для тѣхъ частей человѣческаго организма, которыя на- для препарированія, а также для сохраненія приготовленныхъ препаратовъ, которые, будучи вымочены въ этой жидкости и за- высушены, не дѣлаются твердыми, а сохраняютъ нѣкоторую мяг- и гибкость. Обѣ эти задачи такъ важны для практической ана- что естественно весьма многіе изъ анатомовъ обратились къ

этому способу. Особенный интересъ въ этомъ случаѣ заключается въ подвижности, которую сохраняютъ препараты, что, какъ каждому извѣстно, весьма дорого въ мышечныхъ и связочныхъ препаратахъ, и что при обыкновенномъ высушиваніи понятно теряется.

Въ первый разъ я видѣлъ препараты, приготовленные по этому способу, въ Вѣнѣ у проф. Лянгера и вскользь упомянулъ о нихъ въ своемъ отчетѣ за первую четверть 1872 г. Въ лабораторіи Лушка я познакомился съ этимъ способомъ лучше, такъ какъ приготовлялъ по этому способу самъ препараты, а потому позволяю себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Фанъ-Феттеровская жидкость приготовляется слѣдующимъ образомъ: берутъ 7 ч. глицерина, 1 ч. темнаго сахару и $^1/_2$ ч. обыкновенной селитры и все это хорошо смѣшиваютъ; при этомъ на днѣ сосуда образуется небольшой осадокъ. Въ приготовленную такимъ образомъ смѣсь погружаютъ ту часть тѣла, которую желаютъ затѣмъ препаровать. Куски, пролежавшіе долгое время въ этой смѣси, дѣлаются затруднительными для препаровки, по твердости ими пріобрѣтаемой, а потому лучше предварительно отработать препаратъ и затѣмъ уже класть его въ смѣсь. Время, которое онъ долженъ оставаться въ смѣси, зависитъ отъ величины препарата, чѣмъ онъ больше, тѣмъ дольше онъ долженъ пробыть тамъ. Для кисти руки, напримѣръ, это время опредѣляется, приблизительно, въ 8 дней. Вынутый изъ жидкости препаратъ дѣлается твердымъ; его затѣмъ вѣшаютъ для высушиванія въ сухомъ, тепломъ мѣстѣ. Излишекъ глицерина стекаетъ, препаратъ провѣтривается и на готовомъ препаратѣ мышцы и сочлененія остаются подвижными. Время, употребляемое для высушиванія, различно и тянется отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ. Для того, чтобы препаратъ не былъ съ поверхности липкимъ и не грязнился, Дюшень покрываетъ его лакомъ, составъ котораго напечатанъ у Tick'a въ его „Traité de Chimie“. Чрезъ 2—3 года лакировка повторяется.

Проф. Штида занимался приготовленіемъ по этому способу препаратовъ съ 1868 по 1872 годъ, видоизмѣнивъ слегка смѣсь, а именно онъ бралъ не 7, а 6 частей глицерина. Въ этой жидкости онъ держалъ уже приготовленные препараты отъ 3—6 недѣль (съ не препарованными частями онъ опытовъ не дѣлалъ, по трудности послѣдующей препаровки). Высушиваніе препаратовъ производилось въ комнатѣ при T^0—12^0—14^0 R^0., впродолженіи отъ 2—6 мѣсяцевъ. Въ своемъ отзывѣ проф. Штида говоритъ, что полученные этимъ способомъ препараты имѣютъ свое особенное и незамѣнимое достоинство, заключающееся въ сохраненіи подвижности мускуловъ и сочленені̆, что такъ необхо-

нно бываетъ при демонстраціяхъ на лекціяхъ. Непривлекательный наружный видъ препаратовъ и маленькое неудобство сохранять ихъ въ чистотѣ съ избыткомъ искупаются сохраняемою ими подвижностью. Для улучшенія этаго способа Штида предлагаетъ слѣдующія средства: 1) Такъ какъ получаемые препараты бываютъ темнаго и притомъ краснаго цвѣта, причемъ цвѣтъ костей, связокъ и мускуловъ бываетъ почти одинаковый, то для большаго отличія этихъ частей профессоръ Штида выставлялъ такіе препараты недѣль на 8 на солнечный свѣтъ, чрезъ что кости дѣлаются свѣтлѣе, а мышцы принимаютъ темно-желтый цвѣтъ. 2) Липкость и скорое загрязненіе препаратовъ Штида отклонялъ тѣмъ, что покрывалъ ихъ дамарлакомъ, или просто спиртовымъ лакомъ, такъ какъ ему неудалось получить настоящей Кайзерловской жидкости. Въ заключеніе Штида, признавая за препаратами, приготовленными по методу Фанъ-Феттера несомнѣнное достоинство по ихъ подвижности, говоритъ, что „всякій музей долженъ обзавестись извѣстнымъ количествомъ подобныхъ препаратовъ“.

Понятно, что познакомившись съ статьею проф. Штиды и съ тѣми преимуществами, которыми обладаютъ препараты, приготовленные по Фанъ-Феттеровскому способу, я не могъ утерпѣть, чтобы не провѣрить всего этаго на дѣлѣ. Хотя я испробовалъ этотъ методъ на очень ограниченномъ числѣ препаратовъ, тѣмъ не менѣе и по этимъ немногимъ экземплярамъ я убѣдился, правда, въ нѣкоторыхъ достоинствахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и во многихъ недостаткахъ этихъ препаратовъ. При исполненіи Фанъ-Феттеровскаго метода я буквально слѣдовалъ описанію Штиды. Первое, въ чемъ я убѣдился, и о чемъ не упоминаетъ проф. Штида, это то, что Фанъ-Феттеровская смѣсь хорошая жидкость для сохраненія препаратовъ, предназначенныхъ къ препаровкѣ. Совершенно справедливо замѣчаніе, сдѣланное еще Дюшеномъ, что если препаратъ долгое время полежитъ въ этой смѣси, то онъ становится очень твердымъ и не удобнымъ для препаровки; что же касается до первыхъ дней, то этаго положительно нельзя сказать. Правда, что препаратъ дѣлается нѣсколько плотнѣе, но все же не до такой степени, чтобы затруднялась препаровка. Такое легкое оплотнѣніе иногда бываетъ даже до извѣстной степени полезно, какъ напримѣръ при очень вялыхъ мышцахъ. Кромѣ того оплотнѣніе это не идетъ сразу на всю глубину (толщу) препарата, но распространяется мало по малу, начиная съ поверхности, по мѣрѣ того, какъ ткани успѣваютъ пропитываться глицериномъ. Отпрерованныя части, вымоченныя въ Фанъ-Феттеровской жидкости и затѣмъ обсушенныя, обладаютъ дѣйствительно тѣми свойствами, о которыхъ упоминалось выше. Если что особенно непріятно

въ этихъ препаратахъ, такъ это ихъ скорое загрязненіе, застраховать отъ котораго чрезвычайно трудно. Уже во время самаго высушиванія они нѣсколько темнѣютъ и грязнятся отъ той пыли, которая носится въ воздухѣ и отъ которой не свободна ни одна комната, ни одна сушильня. Признавая за этими препаратами нѣкоторое достоинство, но въ то-же время и сознавая ихъ извѣстные недостатки, изъ которыхъ можно бы назвать какъ ихъ частую ремонтировку, или, иначе сказать, лакировку, а въ особенности и то, что при демонстраціи необходима осторожность, чтобы ихъ не запачкать, или наоборотъ, чтобы самому не испачкаться глицериномъ, который не вполнѣ испаряется съ поверхности даже и за значительный промежутокъ времени, я не рѣшился бы утверждать положительнаго превосходства ихъ надъ спиртовыми препаратами.

Правда, что глицериновые препараты и по приготовленію и по содержанію обходятся дешевле, но за то далеко не такъ чисты, какъ спиртовые, на которыхъ тоже безъ особеннаго труда, при хорошей препараціи могутъ быть показаны какъ подвижность сочлененія, такъ равно и дѣйствіе мышцъ. Вся задача въ послѣднемъ случаѣ заключается въ крѣпости употребляемаго для сохраненія препарата спирта. Въ разведенномъ, слабомъ спиртѣ (30^0—40^0) препараты мышцъ и связокъ сохраняютъ подвижность и на нихъ легко и удобно достигаются всѣ тѣ цѣли, для которыхъ собственно назначаются глицериновые препараты. Поэтому, по моему мнѣнію, безъ глицериновыхъ препаратовъ можно обойтись безъ особеннаго ущерба для преподаванія и для науки.

Еще о глицериновыхъ препаратахъ могла подниматься рѣчь въ 70-хъ годахъ, когда еще не былъ извѣстенъ формалинъ, какъ консервирующее вещество; въ настоящее же время едва ли кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что глицериновые препараты составляютъ лишь достояніе преданія и исторіи.

Письменный отзывъ проф. Вагнера объ отчетѣ о занятіяхъ за 2 четверть 1873 г. былъ заслушанъ въ засѣданіи медицинскаго факультета 17-го апрѣля 1874 года. Какъ проф. Вагнеръ, такъ равно и членъ ученаго комитета проф. Флоринскій, на заключеніе котораго былъ прежде всего переданъ мой отчетъ о занятіяхъ во 2-й четверти 1873 г., признали отчетъ заслуживающимъ напечатанія, или въ протоколахъ Совѣта Харьковскаго университета, или въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія.

За время пребыванія моего въ Тюбингенѣ мною напечатаны слѣдующія двѣ статьи: 1) *„О нѣкоторыхъ сверхколичественныхъ мышцахъ человѣческаго тѣла“*. Медиц. Вѣст. 1873 г. и 2) *„Врожденное смѣщеніе лѣвой почки въ тазъ“*. Прот. Харьк. мед. общества за 1873 г.

Въ составъ отчета за 3-ю четверть 1873 года вошли слѣдующія [illegible]: 1) *Musc. brachioradialis и его видоизмѣненія;* 2) *Bursa mucosa submendranosa;* 3) *Plica ileo-coecalis;* 4) *Аномалія Ролландовой борозды.* [illegible] этотъ напечатанъ въ протоколахъ Харьк. мед. общ. за 1873 г. [illegible] отзывъ о немъ проф. Вагнера заслушанъ въ засѣданіи медицинскаго факультета 23 октября 1873 г.

Всѣ праздничные дни мною утилизировались для осмотра анатомическихъ, сравнительно-анатомическихъ и зоологическихъ музеевъ въ Тюбингенѣ и другихъ городахъ.

Музей проф. Лушка въ *Тюбингенѣ* хотя и небольшой, но заключаетъ въ себѣ много чрезвычайно интересныхъ препаратовъ, приготовленныхъ, главнымъ образомъ, самимъ Лушка. Большинство этихъ препаратовъ передано въ рисункахъ въ знаменитой „Die anatomie des Menschen" Hubert'a Luschka и касаются буквально всѣхъ системъ человѣческаго организма. Самый музей помѣщается во 2-мъ этажѣ анатомическаго зданія въ одной большой комнатѣ, съ окнами въ трехъ [illegible] и еще другой маленькой добавочной. Всѣ препараты отличаются не такъ красотой, сколько тщательностью отдѣлки, такъ какъ [illegible] приготовлялись они съ цѣлью строго и точно выяснить извѣстныя [illegible] анатомическія части: мускулы, железы и ихъ протоки, [illegible], вены и нервы, какъ конечностей и туловища, такъ равно и [illegible] внутренностей и проч. и проч.

Съ цѣлью ознакомиться съ веденіемъ преподаванія анатоміи и съ [illegible] музеями я два раза ѣздилъ въ *Бернъ* и *Цюрихъ*. Съ [illegible] цѣлью я воспользовался малыми каникулами и побывалъ въ [illegible] для осмотра сравнительно — анатомическаго и зоологическаго [illegible] и въ *Парижѣ*, гдѣ главнымъ образомъ вниманіе мое обращено [illegible] на 3 музея: Musée Orphila, Musée Dupuytren и Musée au Jardin [illegible] Plants. Подавляющая масса въ высшей степени разнообразныхъ и [illegible] нормальныхъ и патологическихъ препаратовъ и громадныя [illegible] краніологическихъ, антропологическихъ и палеонтологическихъ препаратовъ потребовали не мало времени для внимательнаго [illegible] ихъ.—Помимо осмотра музеевъ я естественно и познакомился [illegible] характеромъ веденія практическихъ занятій по анатоміи въ l'Ecole [illegible] Medecine.

Занятія мои въ Тюбингенѣ продолжались до 10-го августа 1873 г., [illegible] я съ грустью долженъ былъ покинуть этотъ маленькій, но симпатичный городокъ. При отъѣздѣ проф. Лушка заявилъ желаніе дать мнѣ [illegible] письменное удостовѣреніе (Zeugniss): „Herr D-r Mitrophan [illegible] aus Charkow hat seit I. November 1872 bis Mitte August 1873

auf der hiesigen anatomischen Anstalt mit *ausgezeichnetem Fleisse* gearbeitet und mit dem *besten Erfolge* sich der Erforschung verschiedener anatomischer Probleme gewidmet". Tübingen dem 10 August 1873. Prof. H. v. Luschka.

Изъ Тюбингена я направился на Рейнъ въ *Боннъ*, гдѣ я долженъ былъ по конфиденціальному порученію проф. И. К. Вагнера снять планъ новаго боннскаго анатомическаго института, который могъ бы служить примѣрнымъ планомъ для проэктировавшагося новаго анатомическаго театра въ Харьковѣ. Исполненіе этаго порученія не представило мнѣ никакихъ затрудненій, такъ какъ проф. Max Schulze съ любезностью предложилъ мнѣ для срисовки всѣ планы новаго боннскаго анатомическаго театра: фасада, вертикальнаго разрѣза, и отдѣльныхъ помѣщеній верхняго, нижняго и подвальнаго этажей. Срисованный мною планъ, съ приложеніемъ подробныхъ разъясненій, я выслалъ, вмѣстѣ съ отчетомъ за 3-ю четверть 1873 года, въ медицинскій Департаментъ, откуда онъ затѣмъ пересланъ былъ въ Харьковскій медицинскій факультетъ.

Пріѣхалъ я въ Боннъ во время лѣтнихъ вакацій, когда лекцій и занятій уже не было. Кромѣ того проф. Max Schulze въ это время чувствовалъ себя уже оченъ больнымъ и, не болѣе какъ черезъ недѣлю послѣ моего пріѣзда, выѣхалъ куда-то лечиться.

Поселившись въ Poppelsdorf, недалеко отъ анатомическаго института, я прожилъ въ Боннѣ $2^1/_2$ недѣли, въ теченіе которыхъ, кромѣ изученія Боннскаго анатомическаго музея нормальной и патологической анатоміи, я воспользовался любезнымъ разрѣшеніемъ Max'a Schulze заниматься въ его лабораторіи съ микроскопомъ, при не менѣе любезномъ указаніи проф. La-Vallet'a. По краткости времени я, разумѣется, сдѣлать какую нибудь спеціальную работу успѣть не могъ, но за то я очень доволенъ былъ тѣмъ, что познакомился здѣсь впервые съ обработкой препаратовъ, новинкой того времени, осміевой кислотой, которую я и приложилъ для изслѣдованія нервовъ въ пещеристыхъ тѣлахъ половаго члена кролика. Кромѣ осміевой кислоты, я одновременно работалъ и съ хлористымъ золотомъ, методомъ, хорошо мною изученнымъ еще раньше въ Вѣнѣ. Какихъ нибудь строго-опредѣленныхъ и точныхъ результатовъ относительно нервныхъ окончаній въ пещеристыхъ тѣлахъ половаго члена и слизистой оболочкѣ мочеиспускательнаго канала я не получилъ. Помимо этого, я пополнилъ коллекцію моихъ микроскопическихъ препаратовъ нѣкоторымъ количествомъ хорошихъ инъекціонныхъ препаратовъ сосудовъ различныхъ органовъ.

Такъ какъ до начала зимняго семестра оставалось еще около мѣсяца, то я и рѣшилъ воспользоваться этимъ временемъ для осмотра

ческихъ музеевъ еще и въ другихъ городахъ. Съ этою цѣлью я прежде всего направился въ *Амстердамъ*. Проф. Berlin былъ такъ любезенъ, что самъ познакомилъ меня, какъ съ составомъ музея, такъ равно и вообще съ устройствомъ и веденіемъ преподаванія анатоміи въ мѣстномъ университетѣ. Аудиторія очень хороша. Препаровочная для студентовъ всего одна комната, да и то не особенно большая. Препаровочные столы всѣ деревянные, но подвижные, на винту. Инъекціонная комната отдѣльная; ванна для труповъ деревянная. Сушильня для костей и сухихъ связочныхъ и сосудистыхъ препаратовъ устроена вся стеклами. Нижній этажъ предназначенъ для мертвецкой, кладовыхъ и для помѣщенія служителей. Во 2-мъ этажѣ помѣщаются комнаты профессора, прозектора и препараціонныя. Въ 3-мъ этажѣ: аудиторія и музеумъ. Музей содержитъ хорошую коллекцію уродовъ и сравнительно—анатомическіе препараты, по преимуществу морскихъ животныхъ. Тутъ же помѣщается и патолого-анатомическій музей. Музей нормальной анатоміи не богатъ, хотя въ немъ находятся нѣкоторые искусно сдѣланные препараты Wrolik'a.

Изъ Амстердама я поѣхалъ въ *Роттердамъ*, съ цѣлью оттуда отправиться на пароходѣ въ Лондонъ. Въ ожиданіи отхода парохода я пробылъ въ Роттердамѣ $1^1/_2$ сутокъ, которыя и были мною употреблены на осмотръ достопримѣчательностей города. 5-го сентября (по старому стилю) я отправился на пароходѣ въ Harwitz, чтобы оттуда поѣхать по желѣзной дорогѣ въ Лондонъ. Сѣверно-нѣмецкое море на этотъ разъ было крайне недружелюбно. Время совпадало съ равноденствіемъ. Не успѣли мы выйдти въ открытое море, какъ началась страшная буря. Ничего подобнаго мнѣ не приходилось раньше испытать, несмотря на то, что до этого мнѣ нерѣдко приходилось совершать рейсы по Азовскому, Черному и Адріатическимъ морямъ, а также и на озерахъ Боденскомъ, Четырехъ-Кантонномъ и Женевскомъ и притомъ далеко не въ тихую погоду. Буря была на столько велика, что пассажиры не имѣли права оставаться на палубѣ, на которой во время бури сломало мачту. Запертые въ каюты пассажиры всѣхъ націй и разныхъ цвѣтовъ кожи отъ бѣлаго до чернаго переживали ужасные минуты, часы и дни. Картины въ каютахъ повторялись самаго отчаяннаго характера. Вмѣсто назначенныхъ 19 часовъ хода отъ Роттердама до Harwitz, мы прибыли въ послѣдній только на третьи сутки! Нашъ громадный океаническій пароходъ (кажется „Cimbria“), заходившій лишь въ Harwitz, а отправлявшійся собственно въ Америку, переносило съ волны на волну и качало какъ маленькую лодочку.

Въ *Лондонъ* я пріѣхалъ полуздоровымъ и прожилъ здѣсь 2 недѣли. Всякому бывавшему въ Лондонѣ извѣстно, что 2 недѣли времени слишкомъ мало, для того, чтобы обстоятельно познакомиться со всѣмъ тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ Лондонъ. Поэтому всѣ осмотры, сдѣланные мною, носятъ поверхностный характеръ; останавливаться на чемъ нибудь долго не было времени; даже путевой журналъ было вести трудно. Помимо обще-интересныхъ пунктовъ какъ то: Tower of London, St. Pauls Kathedrale, Museum of London Antiquities, South Kensington Museum, Crystal Palace, разныхъ картинныхъ галлерей, парковъ и зоологическаго сада, мое вниманіе особенно было остановлено на: 1) анатомическомъ музеѣ въ St. Thomas Hospital, 2) медицинскомъ музеѣ въ Medical College и 3) Гунтеровскомъ музеѣ (Hunterian Museum) въ St. George's Hospital. Кромѣ того мною незабыты и публичные анатомическіе, антропологическіе и историческіе музеи какъ Madam Tussaud Exhibition, Kahn's Museum и друг. Перечислять рѣдкіе и выдающіеся анатомическіе препараты, видѣнные мною въ Лондонѣ, я считаю лишнимъ, потому что каталоги большинства перечисленныхъ мною музеевъ напечатаны и притомъ съ подробными поясненіями.

Изъ Лондона я вернулся чрезъ *Остенде* въ *Брюссель*, гдѣ и остановился для отдыха на 3 дня, во время которыхъ и воспользовался осмотромъ, какъ анатомическихъ собраній, такъ равно и устройства анатомическаго отдѣла въ Брюсселѣ.

Изъ Брюсселя я прямо направился въ *Берлинъ*. Первая встрѣча моя съ проф. Рейхертомъ, представителемъ анатоміи въ Берлинѣ, я не могу сказать, чтобы она была для меня пріятною; услышавши отъ меня, что я могу располагать всего лишь 3-хъ мѣсячнымъ срокомъ для занятій по анатоміи въ Берлинѣ, старикъ Рейхертъ остался недовольнымъ такимъ краткимъ срокомъ пребыванія у него и сказалъ мнѣ, что за три мѣсяца я никакой спеціальной работы сдѣлать не могу и что для этого необходимо minimum годъ. Когда я объяснилъ ему, что я пріѣхалъ въ Берлинъ не для дѣланія спеціальныхъ работъ, а для знакомства съ методомъ преподаванія и веденіемъ практическихъ занятій въ его лабораторіи, то и на это онъ отвѣтилъ, что въ 3 мѣсяца онъ своего курса не кончаетъ и полный курсъ практическихъ занятій оканчивается въ 2, 3 и даже въ 4 семестра. Такимъ пріемомъ Рейхерта я обязанъ своей неосторожности, такъ какъ раньше проговорился, что я у проф. Лушка пробылъ почти годъ. Послѣ разговора съ Рейхертомъ, мнѣ ничего другаго не оставалось, какъ имматрикулироваться студентомъ, что я разумѣется и сдѣлалъ, желая все таки послушать его лекціи. Увидѣвши меня въ числѣ слушателей и притомъ

штатныхъ посѣтителей лекцій и практическихъ занятій, проф. Рейхертъ рѣзко измѣнилъ ко мнѣ свои отношенія, сталъ очень любезенъ, показалъ всѣ богатства анатомическаго музея и лично демонстрировалъ мнѣ нѣкоторыя изъ препаратовъ мозга.

Отдѣленіе описательной анатоміи помѣщается, какъ извѣстно, на Luisenstrasse въ саду Thierarzneischule. Устройство и удобство анатомическаго театра для работъ я не могу назвать особенно выдающимися. Недостатковъ относительно свѣта въ препаровочныхъ и правильности полученія препаровочнаго матеріала не мало.

За время моего пребыванія въ Берлинѣ я прослушалъ у Рейхерта начало систематическаго курса анатоміи и отдѣльный курсъ анатоміи головнаго мозга. Для практическихъ занятій я успѣлъ получить всего три препарата: область шеи, промежности и верхнюю конечность. Посѣщая препаровочную и помогая иногда студентамъ работать, мнѣ пришлось на студенческихъ препаратахъ наблюдать около 15 мышечныхъ и артеріальныхъ аномалій.

Далеко любезнѣе принялъ меня проф. Рудольфъ Вирховъ, въ патолого-анатомическомъ институтѣ котораго я главнымъ образомъ и работалъ въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ. Кромѣ посѣщенія лекцій, вскрытій и демонстративнаго курса, мнѣ дано было отдѣльное мѣстечко въ лабораторіи, для моихъ личныхъ микроскопическихъ работъ. Микроскопическіе препараты я дѣлалъ по преимуществу изъ органовъ болѣзненно измѣненныхъ и получаемыхъ при вскрытіи. Цѣлыя серіи препаратовъ перерожденій, новообразованій, паразитовъ составлены мною главнымъ образомъ у Вирхова. Кромѣ того, мнѣ хотѣлось имѣть полныя инъекціи сосудовъ нѣкоторыхъ нормальныхъ органовъ, которыхъ у меня или вовсе не было, или если и было, то очень мало и притомъ не полною инъекціею. Съ этой цѣлью, имѣя собственные инструменты и инъекціонные матеріалы, я занялся инъекціею сосудовъ всѣхъ органовъ на морскихъ свинкахъ.

Кромѣ курсовъ Руд. Вирхова и Рейхерта, я посѣщалъ еще курсъ Du-Bois-Reymond'a по физіологіи и его же частный публичный курсъ объ ученіи Дарвина.

Представленный мною отчетъ за послѣднюю четверть 1873 года, выслушанъ и одобренъ въ засѣданіи Харьковскаго медицинскаго факультета 25-го февраля 1874 года.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1874 г. я вернулся въ Россію и прямо пріѣхалъ въ Харьковъ. Въ это время въ Харьковскомъ университетѣ освободилось мѣсто прозектора при каѳедрѣ физіологической анатоміи, которое предложилъ мнѣ занять проф. И. К. Вагнеръ, на что я выра-

*

зилъ свое согласіе. Вслѣдствіе этого проф. Вагнеръ вошелъ въ медицинскій факультетъ 11-го марта того же года съ рапортомъ слѣдующаго содержанія: „По увольненіи прозектора анатоміи д-ра Вилкомирскаго, должность прозектора при каѳедрѣ описательной анатоміи осталась вакантною. Имѣю честь, по этому, обратить вниманіе факультета на лицо, которое, по моему убѣжденію, вполнѣ подготовлено на эту должность и которое я позволяю себѣ представить какъ кандидата на эту должность. Лицо это бывшій помощникъ прозектора при нашемъ университетѣ д-ръ М. А. Поповъ". Изложивъ далѣе краткое curriculum vitae Попова и его научные труды, проф. Вагнеръ продолжаетъ: „Я полагаю, что было бы излишне входить въ подробную оцѣнку сочиненій д-ра Попова, такъ какъ, по большей части, они уже извѣстны членамъ факультета. Кромѣ небольшихъ статей, заключающихъ въ себѣ описанія нѣкоторыхъ болѣе рѣдкихъ анатомическихъ наблюденій, какъ они встрѣчаются въ секціонной залѣ въ теченіе извѣстнаго продолжительнаго срока времени, болѣе крупныя сочиненія содержатъ подробныя и прочныя анатомическія изслѣдованія, которыя ясно доказываютъ, что авторъ, владѣя вполнѣ способами нынѣшней анатомической техники, умѣлъ ими удачно воспользоваться при своихъ изслѣдованіяхъ. Изслѣдованія д-ра Попова отличаются большою точностью и подробностью, которыя иногда даже являются съ избыткомъ, но которыя при анатомическихъ изслѣдованіяхъ отнюдь не упрекъ. Смыслъ автора всегда ясенъ и простъ; въ заключеніяхъ, выведенныхъ изъ изслѣдованій, замѣчается извѣстная сдержанность, вслѣдствіе чего дѣлаются только самые прямые выводы. Литература изслѣдуемаго предмета приводится всегда въ полнотѣ, такъ что эти сочиненія составляютъ, до извѣстной степени, настоящее обогащеніе нашихъ знаній описательной анатоміи. Тоже самое можно сказать объ изслѣдованіяхъ, помѣщенныхъ во всѣхъ отчетахъ, представленныхъ имъ въ Министерство, равно какъ и о послѣднемъ рукописномъ сочиненіи его „Ligamenta sterno-pericardiaca" у человѣка и нѣкоторыхъ животныхъ. Такимъ образомъ изъ сочиненій д-ра Попова ясно видно полное его знакомство съ анатомической техникой, которая составляетъ для прозектора первоклассную важность; поэтому мое глубокое убѣжденіе о годности д-ра Попова на прозектуру основывается отчасти на сочиненіяхъ д-ра Попова, но не на однихъ только его сочиненіяхъ. Болѣе 4-хъ лѣтъ д-ръ Поповъ состоялъ при нашемъ факультетѣ помощникомъ прозектора и доставлялъ въ это время, какъ для демонстрацій на лекціяхъ, такъ и для анатомическаго музея препараты, которые удовлетворяли во всѣхъ отношеніяхъ; я убѣдился и могу засвидѣтельствовать не только ловкость его въ при-

препаратовъ, но и ревность и усердіе, съ которымъ онъ долговременнымъ и иногда скучнымъ работамъ прозекторской ...ности. Двухъ-лѣтнее пребываніе за границей, главнымъ образомъ ...бингенѣ, въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ и постоянныя работы подъ руко...ствомъ корифеевъ анатомической науки Langer'a, Hyrtl'я, Luschka, ...бнера и Virchow'a не могли остаться безслѣдными въ дальнѣйшемъ ...вершенствованіи д-ра Попова въ своемъ предметѣ.

Важное доказательство ловкости и искусства д-ра Попова я вижу ...коллекціи около 500 прекрасныхъ микроскопическихъ препаратовъ, ...торые онъ подарилъ нашему анатомическому кабинету; между ними ...ходятся какъ превосходные препараты по нормальной и патологи...ческой гистологіи, такъ и цѣлые ряды разрѣзовъ куринаго зародыша ...ъ начала до 9 дня. Членамъ медицинскаго факультета, которые ближе ...нтересуются этими препаратами, я готовъ ихъ показать всегда въ ана...томическомъ кабинетѣ. Желаніе д-ра Попова подарить нашему каби...нету и макроскопическіе препараты, приготовленные имъ за-границей, ...не могло быть исполнено по трудности перевозки такихъ препаратовъ, ...которые сохраняются въ жидкостяхъ. Не безъ вліянія можетъ оста...ться то обстоятельство, что д-ръ Поповъ постояннымъ посѣщеніемъ ...нѣкоторыхъ корифеевъ анатоміи положилъ хорошее основаніе для своей бу...дущей успѣшной дѣятельности, какъ самостоятельнаго преподавателя ...анатомической науки. Близкое ознакомленіе со многими знаменитыми ...анатомическими музеями запада: въ Вѣнѣ (Hyrtl, Langer, Rokitansky), ...въ Прагѣ (Henke, Treitz), München (Bischof, Rudinger), Tubingen (Luschka), ...въ Гейдельбергѣ (Arnold, Nuhn), въ Боннѣ (Max Schulze), Амстердамъ ...(Wenig), въ Парижѣ (Musée d'Orfila, Musée Dupuytren) даетъ основаніе ...думать, что д-ръ Поповъ усвоилъ себѣ наилучшіе способы приго...товленія, сохраненія и установки препаратовъ. Почти во всѣхъ отче...тахъ его находятся подробныя описанія препаровочныхъ залъ, а также ...замѣтки о всякаго рода новыхъ, или вообще полезныхъ устройствъ, ...найденныхъ имъ въ нихъ. При сочиненіяхъ д-ра Попова, назначенныхъ ...для циркуляціи между членами факультета, находятся два плана ана...томическихъ заведеній, именно: одного въ Тюбингенѣ и другого вновь ...строеннаго, образцоваго анатомическаго зданія Макса Шульце въ ...Боннѣ. Изъ этихъ плановъ видно, что д-ръ Поповъ обращалъ свое вни...маніе также и на устройство анатомическихъ институтовъ.

Изъ вышесказаннаго вытекаетъ для меня лично полнѣйшее убѣ...жденіе, что медицинскій факультетъ пріобрѣтетъ въ лицѣ д-ра Попова ...отличнаго кандидата-прозектора описательной анатоміи, вполнѣ подго...товленнаго къ исполненію этой должности. Я думаю, что я не сдѣлаю